

*Дмитрий Урсу,
доктор исторических наук,
профессор ОНУ им. И.И. Мечникова*

УЧЕНЫЕ ОДЕССЫ – ЖЕРТВЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ 1946-1953 ГОДОВ

Первые послевоенные годы в жизни народов СССР ознаменовались целым рядом негативных явлений, среди которых одним из самых разрушительных для науки и общественной морали была непрерывная идеологическая кампания против ученых, отклонявшихся в чем-либо от официально признанных догм и установлений. Эта кампания шла волнами, то против «антипатриотов» и «поклонников Запада», то против генетиков и психологов-орбелианцев, то против «космополитов» и «сионистов», поэтому вполне обоснованно можно говорить об этих процессах и в множественном числе. В самом деле, наука, а также вся культура в целом, в позднюю сталинскую эпоху пережили ряд идеологических кампаний, которые переходили одна в другую и сливались в мутный поток интеллектуального террора, травли и шельмования передовой светской интеллигенции – ученых, поэтов, писателей, композиторов, литературных и театральных критиков.

Не обошли эти кампании и Одессу – один из крупнейших культурных и научных центров страны. Здесь блюстители идеологической чистоты и непорочности «единственно верного учения» также развернули поиски буржуазных националистов – украинских и еврейских, честных ученых, отстаивающих свои убеждения и высокие нравственные ценности, деятелей культуры, преданных эстетическим идеалам. Как среди научной, так и среди творческой интеллигенции Одессы «охотники за ведьмами» оставили целый ряд жертв, людей, заслуживающих нашего уважения и памяти.

К сожалению, в одессике эта тема разработана слабо. Имеющаяся литература [1] носит апологетический и, по преимуществу, рекламно-юбилейный характер. Оценочные суждения сугубо комплиментарные; с каждой страницы будто сочится благостный елей и патока. В этих книгах потерян главный нерв и смысл истории науки – борение идей, концепций и убеждений, драматическое столкновение людских характеров, принципов и моральных ценностей, противостояние подлинной науки и лженауки, опирающейся на мощный идеологический и административный ресурс тоталитарного государства. Эта литература однобока и стерильна, но в целом полезна как источник фактических данных, правда, не всегда достоверных. Но есть книги целиком и полностью умалчивающие о событиях и явлениях в науке эпохи позднего сталинизма. Одна из них трактует развитие биологической науки в Украине [2]; это насквозь лживая книга, фальсифицирующая, в полном и прямом смысле этого слова, трагическую историю биологии в 1946-1956 годах.

Задача настоящего исследования состоит в анализе и обобщении противоречивых событий и явлений в научном мире Одессы на основе архивных документов и опубликованных источников. Рассматриваются судьбы ученых гуманитарного и естественнонаучного профилей, их противостояние идеологическим кампаниям, неизбежные компромиссы и поражения. В центре внимания – люди науки, подвергнутые интеллектуальному остракизму, гонениям и

шельмованию. Для раскрытия темы привлекаются как недавно опубликованные документы высших органов правящей партии и государства [3, 4, 5], так и материалы эпохи, редко привлекаемые историками науки [6]. Изучены также немногочисленные мемуары одесских ученых [7, 9] и руководителя сектора науки ЦК КПСС [8]. Наконец, большой фактический материал найден на страницах одесских газет изучаемого периода [10, 11, 12]. Таким образом, использован большой и разнообразный корпус источников, причем многие архивные документы впервые вводятся в научный оборот.

Первый выстрел в «охоте на ведьм», прятавшихся среди творческой и научной интеллигенции и обвиняемых в национализме и антипатриотизме, прозвучал еще до окончания войны. Приближающаяся победа привела к тому, что вместе с закономерной гордостью стала явственно проявляться тенденция выпячивания заслуг лишь одного народа – русского, самого многочисленного народа СССР. По логике кремлевских «интернационалистов», таким прекрасным качеством, как патриотизм, мог обладать лишь один народ; проявления патриотизма другими народами, особенно украинским, объявлялись «буржуазным национализмом» и пресекались в корне. Вместе с тем все великие открытия в науке и технике также приписывались русским ученым и изобретателям. Ломоносов был объявлен универсальным гением всех времен, основоположником всех наук – от астрономии до минералогии, от химии до теории стихосложения, а также истории, географии, микробиологии и проч.

Кампания борьбы за русский приоритет приобрела такой гипертрофированный масштаб, что явно выходила за пределы здравого смысла. Ее гротескный вид лучше всего выразила появившаяся тогда ироническая поговорка: «Россия – родина слонов и вечнозеленых помидоров». Кстати, выведением новых сортов томатов занимались несколько одесских селекционеров из мичуринцев лысенковского разлива, но никто в натуре не видел эти бумажные чудо-томаты. Подробнее об этом см. далее.

Параллельно с неумеренным прославлением «русского гения» шла пропагандистская кампания по дискредитации и очернению всего того, чего достигли страны Запада в политике, экономике, духовной сфере. Признание советскими авторами заслуг европейцев и американцев в науке, технике, искусстве, литературе считалось «грубой политической ошибкой», заслуживающей самого сурового наказания.

Эти главные линии идеологической кампании – за русский патриотизм, против тлетворного влияния Запада, – были намечены агитпропом ЦК еще в сентябре 1944 г. В докладной Г.М. Маленкову говорилось, во-первых, об ошибках в «Очерках истории Украины», статье П. Тычины и в ряде литературоведческих работ, которые проявились в выпячивании роли украинцев в войне и в игнорировании благотворного влияния русской культуры на украинскую. Во-вторых, была обнаружена грубая политическая ошибка в книге украинского академика К.Г. Воблого «Организация труда научного работника». Она состояла в «<...> бесконечном цитировании немецких ученых и восхвалении их как образцов правильной научной работы». О русских и украинских ученых автор даже не упоминал [4, 107].

В приведенном документе еще нет ключевых слов «антипатриотизм» и «пресмыкательство перед Западом», но идейная основа будущей кампании

созрела, а ее основные объекты определены довольно четко. Она началась с большой помпой публикацией постановления ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград» в начале августа 1946 года. Уже 24 августа местная газета перепечатывает этот документ полностью, а ровно месяц спустя – правленный Сталиным доклад А.А. Жданова на пленуме ЦК, где принималось это постановление. Здесь намечены главные линии идеологической работы: борьба против формализма и безыдейности в литературе и искусстве, против преклонения деятелей культуры и науки перед Западом. Следует, говорил Жданов, «постоянно бичевать и нападать на буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растреления» [10, 24.09.1946; 3, 229].

Идя во многом впереди московских товарищей, ЦК Компартии Украины в августе-октябре принимает пять (!) постановлений, усиливающих идеологический пресс во всех сферах духовной жизни украинского народа. Новым в них является то, что на первое место, как главная и основная задача партии, поставлено «систематическое разоблачение украинского буржуазного национализма и его искоренение». Призывы ЦК подхватывают местные одесские газеты, печатающие разоблачительные статьи под кричащими заглавиями: «Выше уровень идеологической работы!», «Исправить ошибки в освещении некоторых вопросов истории Украины», «Безыдейность и формализм» («Большевистское знамя»), «Националистические искривления в преподавании истории украинской литературы в ОГУ», «Безыдейность одесских поэтов», «Идейное убожество одесской эстрады» («Чорноморська комуна»).

В статье «Кафедра, оторванная от жизни» газета «Большевистское знамя» подвергла сокрушительному разгрому кафедру педагогики ОГУ и ее заведующего профессора А.Г. Готалова. Основные обвинения таковы: «Кафедра не поняла своей основной ведущей задачи», «отстала от растущих требований советской школы», «не занимается теоретическим обобщением школьной практики», «ушла в далекую историю». Сам профессор Готалов преувеличивает влияние немецко-австрийского образования на славянские страны; ему неизвестны те преобразования, что там происходят в последние годы под влиянием советского опыта. Лекции Готалова неудовлетворительны, он обходит вниманием указания Крупской и Макаренко [10, 14.09.1946].

Заметим, что разоблачительная статья о Готалове появилась за десять дней до публикации доклада Жданова, однако он обвинялся именно в тех грехах, с которыми следовало больше всего бороться, в антипатриотизме и преклонении перед зарубежной наукой. Получается, что Готалов стал первой жертвой начатой идеологической кампании. Вместе с тем в его «деле» впервые ярко проявился и противоречивый характер самого понятия «жертва». А именно присущий репрессивной машине тоталитаризма парадокс: жертва часто превращается в палача, преследуемый – в охотника. Нет, в данном случае Готалов не пошел в госбезопасность с доносом на своих коллег, он поступил умнее. Старый политический хамелеон, сменивший, по словам хорошо его знавшего профессора С.Я. Борового, три вероисповедания, сразу понял, откуда дует ветер, и быстро стал и патриотом, и антизападником. Вместо разоблачения любезной его сердцу австро-германской школы он обрушился на педагогику... американскую. В начале следующего года университетская газета стала печатать из номера в

номер обширный опус Готалова под заглавием «Американский университет – очаг реакции» [12, 10.02.1947].

Спустя шесть дней после расправы над Готаловым областная партийная газета печатает новый критический материал «Безыдейность и формализм». Избиению подверглась преподавательница Одесского педагогического института Добровольская (без инициалов). В статье использован ставший уже обычным набор голословных обвинений в «уступке украинскому буржуазному национализму», «прославлении формализма и безыдейности» [10, 20.09.1946]. Следует заметить, что как Готалов, так и Добровольская стали случайными жертвами «охоты на одесских ведьм», объектами, так сказать, одноразовой порки. Вскоре появилась другая разновидность жертв, узнавших методическую травлю; они подвергались моральному террору на протяжении нескольких лет, вплоть до полного уничтожения.

Кампания преследования «антипатриотов» и «низкопоклонников» приняла масштабность и систематический характер в следующем году в связи с делом профессоров Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина. Эта кампания прямо затронула многочисленную научную интеллигенцию Одессы. К этому времени в городе насчитывалось 18 вузов и 13 научно-исследовательских институтов; только в вузах работали 1 500 преподавателей, в том числе 170 профессоров и 572 доцента [13, 77; 10, 3.09.1947]. Суть дела Ключевой и Роскина в том, что эти профессора передали для публикации в США рукопись книги «Пути терапии рака» и ампулы противоракового препарата круцин. Ключевой и Роскину за их якобы антипатриотический поступок судом чести был объявлен общественный выговор, а академик Академии медицинских наук СССР В.В. Парин, отвозивший эти материалы в США, был приговорен к 10 годам заключения. 16 июля 1947 г. было принято закрытое письмо ЦК «О деле профессоров Ключевой и Роскина», содержащее установки на воспитание интеллигенции в духе советского патриотизма и на борьбу с «низкопоклонством и раболепием перед буржуазной культурой Запада» [3, 229-237]. Очень скоро, однако, советский патриотизм трансформировался в русский патриотизм, главным образом в связи с шумным празднованием 800-летия Москвы.

В Одессе следов дела Ключевой-Роскина осталось немного, разве что в виде обсуждения письма ЦК на закрытых партсобраниях. Например, в начале сентября состоялось собрание коммунистов исторического и филологического факультетов ОГУ. В обсуждении, среди прочих, выступили ректор Н.А. Савчук и молодой партактивист с филологического факультета, аспирант И.М. Дузь. Не было сказано ничего примечательного: одобрили единодушно линию ЦК, единогласно осудили незнакомых московских профессоров [14, 8 об.]. Реальных следов пребывания круцина на одесской земле не обнаружено. Можно предположить, что с ним работали в профильном Одесском научно-исследовательском рентгенорадионкологическом институте, однако его документация за 1945-1947 годы уничтожена, да и те дела, что сохранились, велись крайне небрежно: то терялись, то их поедали мыши [15, 3, 23-25].

Одним словом, этот карликовый НИИ (всего 12 научных работников) являлся, в сущности, лишь специализированной клиникой, не более. Именно поэтому он был вскоре ликвидирован.

Только в Одесском медицинском институте (далее сокращенно ОМИ) один студент (!) проводил опыты с круцином под руководством профессора Б.А. Шацилло на кафедре патологической физиологии. В программе научной студенческой конференции стоит доклад этого одесского первопроходца (без фамилии), озаглавленный «О лечении раковой болезни биопрепаратом Роскина и Ключевой» [16, 39]. Однако вскоре Шацилло тяжело заболел и уволился по инвалидности; о результатах студенческого эксперимента документы умалчивают.

Дело Ключевой-Роскина в Одессе развивалось опосредованно через идеологическую кампанию по выявлению «антипатриотических ведьм». Она набирала обороты и продолжалась, то затухая, то разгораясь с новой силой вплоть до XX съезда партии; к концу 40-х годов сливаясь с охотой на «ведьм космополитических». И что примечательно: если попавшие под другие кампании одесские ученые отделялись одноразовым публичным позором, то обвиняемые в антипатриотизме и низкопоклонстве подвергались систематической многолетней травле вплоть до кончины или бегства из Одессы. Это общее положение хорошо иллюстрируют трагическая судьба двух университетских профессоров – П.Н. Павлова и Н.Н. Розенталя.

Павлов начал заниматься физической химией еще в 1900 году и с тех пор стал признанным авторитетом в этой области знания, подлинным украшением Одесского университета. В итоговой работе о развитии физхимии в Украине (Киев, 1989) сказано, что «ему принадлежат основополагающие теоретические и экспериментальные исследования дисперсных систем». В марте 1947 г. на торжественном заседании ученого совета ОГУ чествовали заведующего кафедрой физхимии, профессора Павлова в связи с 75-летием. В адрес юбиляра было сказано много похвальных, добрых слов [17, 66].

Прошло несколько лет, и уже в отчете университета за 1951-1952 учебный год ректор докладывает в министерство нечто совершенно противоположное: заведующий кафедрой физхимии Павлов «не изжил до конца свои ошибочные взгляды, продолжает восхвалять Оствальда [18], недооценивает выдающиеся открытия Ломоносова» [19, 29].

Из критики в свой адрес Павлов сделал определенные выводы, и вот в отчете по научно-исследовательской работе химический факультет констатирует, что на кафедре физхимии полным ходом идет разоблачение теорий и уравнений буржуазных ученых Льюиса и Гиппса [20]: «Порочные установки в теории Льюиса разбивает профессор Павлов, который установил простые уравнения для расчета величин составных масс и коэффициента активности при помощи коэффициента превращения». Второго буржуазного ученого ниспроверг кандидат наук Манакин: в результате разработки его темы «<...> выяснена идеалистическая сущность сокращенного уравнения Гиппса и установлено, что образующиеся соединения солей не распадаются при плавлении» [21, 33].

Вполне возможно, что и Льюис, и Гиппс в своих расчетах ошибались и одесские ученые правы; непонятно только, почему теоретические установки одного из них «порочны», а сокращенное уравнение другого имеет «идеалистическую сущность». Все эти словесные штампы пришли в химическую науку, как и в остальные, из лексикона холодной идеологической войны.

Расправа над Павловым состоялась на заседании совета университета. Ректор доносил в центр: «За допущенные методологические и теоретические ошибки, выразившиеся в игнорировании приоритета отечественной науки и отечественных ученых, проявление рабского преклонения перед иностранными буржуазными учеными, совет университета единодушно постановил считать невозможным в дальнейшем поручать профессору Павлову работу по воспитанию студенческих и научных кадров и возбудил вопрос перед министерством высшего образования об освобождении его от должности заведующего кафедрой и от работы в ОГУ» [22, 29]. В следующем годовом отчете ректор равнодушно в списке отчисленных записал: «Павлов Павел Николаевич, заведующий кафедрой физической химии. Причина отчисления - смерть» [23, 128]. Так трагически закончилось более чем полустолетнее служение науке заслуженного ученого, павшего жертвой развязанной невеждами и бездарями идеологической кампании.

Несколько более счастливым был конец многолетней травли другого профессора ОГУ – историка Н.Н. Розенталя. Компромат на него собирался партийными органами еще до войны. В материалах отмечалось, что в молодости Розенталь принадлежал к кадетской партии, а в марте 1935 г. был выслан из Ленинграда на пять лет в Киргизию, но очутился в Алма-Ате. С сентября 1936 г. работал заведующим кафедрой средних веков ОГУ. В 1937 г. на партсобрании с политическими обвинениями против Розенталя выступил студент П.Г. Чухрий, впоследствии доцент исторического факультета. Другой студент привел слова Розенталя, якобы говорившего на лекции, что средневековая культура стоит выше, чем ныне в Советской стране [24, 65].

После войны, однако, отношение к Розенталю изменилось в лучшую сторону. В 1946 г. ректор Н.А. Савчук подписал ему похвальную характеристику, которая заканчивалась такими словами: «Профессор Розенталь является прекрасным педагогом, талантливым ученым, активным общественным деятелем» [25, 22]. Прошло немного времени и тот же Савчук в годовом отчете, не приводя никаких конкретных фактов, пишет совсем иное: Розенталь (а также доцент Шайкевич) «протаскивает буржуазный космополитизм». На этом основании его освободили от заведывания кафедрой [26, 23].

Объяснить эти разительные перемены в оценках ректора позволяет редакционная статья «Против буржуазных космополитов в искусстве и литературе», напечатанная в марте 1949 г. в местной партийной газете. В ней, среди других, назван Розенталь как «явный и последовательный выразитель космополитизма». Он в своей рецензии под видом защиты принципов высокой художественности охаял патриотическую, идейную пьесу и незаслуженно хвалил другую. Вину Розенталя усугубляло то, что в своих оценках он повторял мнение «махрового космополита Борщаговского» [10, 26.03.1949]. Для обсуждения этой статьи в университете состоялось партийное собрание, где сначала резко критиковали театральные рецензии доцентов А. Недзведского и Б. Шайкевича. С их осуждением выступили их коллеги доценты П. Чухрий и А. Москаленко. Затем обсуждалось персональное дело коммуниста Розенталя, и вновь слово взял Чухрий, снискавший в университете славу клеветника и провокатора. Ректор П. Иванченко, проводивший после партсобрания ученый совет, предложил

Розенталя уволить, но совет не пошел на эту крайнюю меру, ограничившись, как сказано выше, освобождением от заведывания кафедр [10, 9.04.1949].

Травля Розенталя, между тем, не прекращалась. Ему не утвердили тему научно-исследовательской работы «Шекспир и государственная власть» как малоактуальную. Пришлось брать другую, не по профилю его исследований, зато в русле проводимых пропагандистских кампаний «Борьба Белинского с буржуазной западной идеологией». В 1952 году в перечне преподавателей, допускающих методологические и политические ошибки, названы Розенталь, доценты Алексеев-Попов и Гагкаев. В их лекциях «имеет место объективистский подход, не дается критика буржуазных ученых» [21, 31]. По итогам 1952-1953 учебного года Розенталь был уволен на пенсию и вскоре покинул Одессу.

«Антипатриотические ведьмы» были обнаружены на только что открытом юридическом факультете. Так, преподаватель Нудель (в документе без инициалов) «<...> не показал взглядов русских революционных демократов на государственный строй России, однако нашел достаточно времени на восхваление градоначальника города Одессы Дюк де-Ришелье» (так в тексте. – Д.У.) [19, 26]. В последний учебный год существования юридического факультета (1952-1953) на работу по конкурсу был принят профессор Д.Б. Левин, которого сразу же взяли под перекрестный критический огонь. О преподавателе же В.К. Дябло в отчете ректора говорится: «Юрист Дябло В.К., начиная с 1947 г. <...> все свое внимание сосредотачивает на изложение всевозможных буржуазных теорий, засоряя ими преподавание курса по теории государства и права». В январе 1953 г. университетская газета публикует большую статью без подписи о методологических и политических ошибках в лекциях доцента Дябло [12, 17.01.1953]. Виновный был уволен до окончания учебного года [22, 29-31].

Кампания борьбы с антипатриотами получила большой размах в ОМИ. Ее застрельщиком и вдохновителем выступал сам ректор А.М. Гаспарян. На первом совете института после принятия закрытого письма ЦК по делу Ключевой-Роскина 2 сентября 1947 г. он сделал доклад «О роли русских ученых в развитии и успехах медицинской науки». Этотopus (его текст сохранился в архиве) представляет собой компиляцию из известных работ по истории медицины, уснащенную многочисленными цитатами из трудов Сталина. Основной пафос ректорского доклада – разоблачение тлетворного влияния немцев на русскую науку 18 века, рабского копирования всего французского – в начале 19 века и, наконец, тех же немцев на рубеже 19-20 веков. Конечно же, оратор не забыл нарисовать самыми черными красками «загнивание медицины» в современных капиталистических странах. В качестве доказательства последнего тезиса приводил примеры из художественного произведения – романа английского писателя-коммуниста А. Кронина «Цитадель». Примечательно, что во вверенном ему заведении ректор не обнаружил ни одного факта «низкопоклонства перед Западом» [27, 1-17].

Вскоре Гаспарян публикует в журнале «Врачебное дело» статью о том, как обстоит это дело в его узкой специальности – урологии. Названа она в стилистике идеологической функции того времени «Низкопоклонство и преклонение перед иностранщиной в урологии». И вновь – без одесского колорита. Между тем, поиск «ведьм» шел целенаправленно, и они, наконец, найдены и озвучены на

заседании совета в январе следующего года. Обнаружили их, однако, не местные «охотники», а комиссия министерства здравоохранения республики, сделавшая серьезные предупреждения ректору «за либерализм». На совете обсуждалась статья журнала «Більшовик України» под уже привычным названием «Против низкопоклонства перед буржуазным Западом». Хотя в ней назывались ученые Львова, Киева, Харькова, Черновцов, Винницы, а Одесса вовсе не упоминалась, ректор нашел близкие объекты для бичевания. Ими оказались профессора Б.А. Авербург и М.П. Соколовский, доцент Н.О. Кардасевич. Первый из них, имея высокое звание заслуженного деятеля науки, работал заведующим кафедрой гистологии, второй заведовал кафедрой факультетской хирургии. В чем их конкретно обвиняли, из наличных документов неясно, но общий контекст понятен [28, 317-319]. И если Соколовский сохранил свой пост и еще много лет трудился в ОМИ на посту заведующего кафедрой, то на Авербурга, имевшего несчастье быть по национальности евреем, посыпались мелкие и крупные неприятности. В апреле 1950 года ректор на партсобрании резко его критикует за «неудовлетворительную научную и педагогическую деятельность», а вскоре на совете института осуждают его «идеологические позиции». Одним словом, Авербургу создают невыносимые условия для работы и вынуждают покинуть ОМИ. В конце учебного года он подает заявление о переводе на пенсию и вскоре покидает Одессу [29, 204-206]. Профессор Авербург, таким образом, пополняет список жертв «охоты на ведьм» по-одесски.

Статья из журнала «Більшовик України» обсуждалась на ученых советах и партсобраниях и в других одесских вузах. В консерватории, например, с обширным докладом выступил главный идеолог, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма А.Ф. Вовчик, который подробно пересказал директивную статью. В заключение он привел любопытный местный материал и собственные наблюдения: «Мы слишком увлеклись исполнением западноевропейских классиков в ущерб исполнению [произведений] выдающихся представителей русской музыкальной культуры. Я считаю ошибочным и вредным исполнение 23 декабря 1948 г. на академическом концерте, на который были приглашены избиратели накануне рождества, «Аве Мария», причем дважды в одном концерте <...>. Во время пребывания в консерватории министра тов. Кафтanova исполняли длительную арию из оперы Вебера «Оберон» на немецком языке <...>». Историк музыки С.Д. Орфеев, которому только что присвоили звание доцента, тоже поносил «раблепствующих перед Западом» в лице нескольких московских музыковедов, строивших свои теории на работах западных авторов. Среди своих коллег таких низкопоклонников он не нашел.

Прошло, однако, два месяца, и на новом заседании совета ректор К.Ф. Данькевич и тот же Орфеев гневно заклемили ряд одесских музыкальных критиков как «антипатриотическую группу буржуазных космополитов». Среди них назван Апфельцвайг, напечатавший в ноябре 1947 г. хвалебную статью на постановку в Одесском театре оперы и балета оперы В. Мурадели «Великая дружба», которую критик назвал «выдающимся произведением советского искусства» [10, 15.11.1947]. Мурадели он хвалил, а одесских сочинителей поругивал, за что и был жестоко наказан: Данькевич и Орфеев потребовали уволить из редакций местных газет музыкальных критиков тт. Апфельцвайга, Гольдштейна и Хуторецкого, а также «немедленно изъять из пользования

учебники Ливанова, Пекелиса, Грубера и Фермана, как порочные» [41, 74-77 об., 85-90].

Вообще говоря, кампания против низкопоклонства и за русский приоритет, несмотря на ее драматические последствия, приобрела в Одессе привкус тонкой интеллектуальной игры. Об ее своеобразии можно судить по гротескным выражениям любви к русскому народу, к Москве в частности по случаю ее 800-летия. Лицемерие и неискренность превзошли все пределы: газеты печатают статьи под такими названиями: «Великий русский народ», «Слава тебе, великий русский народ!», «Спасибо тебе, великий русский народ!». Доцент А. Недзведский публикует полную славословия статью «Москва и украинская культура». Всех перещеголял упоминавшийся доцент-историк Чухрий, егоopus озаглавлен с необыкновенным пафосом «Великий русский народ – выдающаяся нация Советского Союза». Признаться, даже у Сталина таких формулировок найти невозможно. Таким образом, мнимое низкопоклонство перед Западом сменилось реальным пресмыкательством перед московским великодержавным шовинизмом. Приспособленцы стараются превзойти друг друга в выражениях раболепия и верноподданничества. Иногда создается впечатление, что в этих доведенных до абсурда выражениях кроется тонкая ирония, какой-то особый эзотерический смысл.

Такое же впечатление возникает при чтении некоторых тем научно-исследовательских работ. Так, кафедра философии ОГУ разрабатывала проблему «Диалектика свободы и необходимости в практике коммунистического строительства». Кафедра политэкономии исследовала тоже нечто запредельное, а именно «Непрерывный подъем благосостояния советского народа и обнищание трудящихся в капиталистических странах». Для времени позднего сталинизма слова «свобода» и «непрерывный рост благосостояния» звучат как кощунство. Так что одесские юмористы в профессорских мантиях превзошли самих себя, поскольку их тонкая насмешка над действительностью стала понятной лишь спустя десятилетия.

Между тем идеологические кампании, затеваемые кремлевским агитпропом, продолжали накатываться на страну и на Одессу одна за другой. Преследование инакомыслящих принимало различные формы: то борьбы против «антипатриотов» и «почитателей Запада», то против генетиков, то против космополитов. Объектами постоянных гонений были «украинские буржуазные националисты» и граждане еврейской национальности, обвиняемые в сионизме. Под удар попадали и случайные люди, и ученые, отстаивающие свои научные убеждения. Не успела кампания против «антипатриотов» набрать оборотов, как в недрах агитпропа ЦК партии при прямом участии Сталина была подготовлена новая, более масштабная кампания, на этот раз против генетики. О том, как втайне от научной общественности она готовилась, сегодня достаточно хорошо известно из опубликованных документов и мемуаров [3; 6; 8]. Из вышедших на эту тему книг и статей можно составить целую библиотеку, но в ней не найдется ничего, касающегося «охоты на генетических ведьм» в Одессе.

К августу 1948 года, когда в стране началась пропагандистская истерия против генетической науки, в Одессе функционировало более десятка научных заведений медико-биологического профиля, в той или иной мере связанных с исследованиями в области генетики. Во-первых, это биологические кафедры

университета, медицинского и сельскохозяйственного институтов. Во-вторых, это научно-исследовательские институты – Всесоюзный селекционно-генетический институт (ВСГИ), Украинский экспериментальный институт глазных болезней (Филатовский), Украинский НИИ виноградарства и виноделия (Таировский), Одесский НИИ эпидемиологии и микробиологии (Мечниковский), а также менее крупные учреждения – Одесский НИ психоневрологический институт, Одесский рентгенорадионкологический институт, Одесский НИИ туберкулеза, Одесский НИИ курортологии. Во всех этих учебных и исследовательских центрах трудились сотни ученых разной квалификации, возрастов, национальностей, судеб, но одинаково связанные с живыми организмами, тайнами их наследственности. Подавляющее большинство из этих ученых не были генетиками, они имели довольно узкие профессиональные интересы; тем не менее разгром генетической науки в августе 1948 г. на сессии ВАСХНИЛ, прямо или косвенно, ломал их научные планы, деформировал теоретические убеждения, ставил со всей остротой вопрос о гражданской позиции. Нравственный выбор был прост и ясен: остаться с подлинной наукой, жертвуя карьерой, или перекинуться в лагерь победителей – крикливых адептов лженауки, невежества и мракобесия.

Во всех крупных научных центрах страны принципиальных и мужественных ученых были сотни, тысячи. Неучи и бездари, овладевшие с помощью партийной машины монополией в биологической науке, жестоко с ними расправились. Только за два месяца после августовской сессии ВАСХНИЛ с работы были уволены 115 чел., в том числе 10 деканов, 65 заведующих кафедрами и 9 профессоров, 23 доцента и 8 ассистентов. Среди уволенных деканы биологических факультетов Львовского и Ужгородского университетов, заведующие кафедрами Киевского и Харьковского университетов, двух институтов Харькова – медицинского и сельскохозяйственного, Львовского медицинского института, Ужгородского университета [30, 23]. В Крыму за «мендель-моргановские ошибки» был уволен декан факультета естествознания и заведующий кафедрой местного педагогического института профессор В.М. Боровский, выпускник Гейдельбергского университета, прошедший в 1929 г. стажировку в США [31, 1-40]. Потеряли свои должности академик АН СССР и АН УССР И. Шмальгаузен, академики АН УССР Н. Гришко, Д. Третьяков, Н. Холодный.

Изучив имеющиеся документальные архивные материалы, приходится с прискорбием признать, что в защиту генетики из сотен одесских биологов, медиков, агрономов свой голос поднял только один человек. Объяснение этому факту можно найти, лишь проследив историческую эволюцию исследований в этих секторах науки. Еще с довоенного времени ведущим центром идеологического наступления на генетику стал находившийся в Одессе ВСГИ. Из этого гнезда взлетел на всесоюзный небосклон новый агробιологический гений, «народный академик» Т.Д. Лысенко, ставший в 1938 г. президентом ВАСХНИЛ. Уехав в столицу, он оставил в Одессе своих соратников и учеников. За десятилетие его правления Селекционно-генетический институт превратился в цитадель лысенковщины, рассадник донаучных предрассудков и прадедовских технологий. Было бы, однако, ошибочным думать, что весь коллектив института разделял мнения и убеждения его руководителей. Рядовые сотрудники и часть

заведующих отделами (в институте было 11 отделов, и только один занимался генетикой), были честными, порядочными людьми; они добросовестно делали свое дело, выводя традиционными способами селекции новые сорта пшеницы, ячменя и других культур. Эти люди не вникали в сложные и дискуссионные проблемы теоретической генетики, в споры о хромосомах и генах. Им ближе был Мичурин, чем далекие иностранные ученые Мендель, Вейсман и Морган [32] с их малопонятным учением о наследственности.

В послевоенные годы в ВСГИ диктаторской властью пользовался заместитель директора по должности, верный оруженосец «стахановца полей», как льстиво называли Лысенко, М.А. Ольшанский. Не случайно, что именно его Лысенко выпустил первым на трибуну августовской сессии ВАСХНИЛ. Речь Ольшанского полна славословия шефу, обещанием всевозможных чудес в агрономии. Он вещает о «революционном перевороте в семеноводстве» после победы лысенковщины в Одессе: «Семеноводческая работа строится на основе учения [Т.Д. Лысенко] о воспитании растений, внутрисортном скрещивании, отбора на этой основе лучших производителей <...>». Ольшанский хвастает мнимыми успехами в вегетативной гибридизации, небывалыми урожаями при летней посадке картофеля, а также собственным достижением – выведением сорта хлопчатника, который можно будет выращивать в степях Украины (что вышло из этой авантюры, читатель увидит на след. страницах). На сессии в поддержку своего главаря выступили и «московские одесситы» А.А. Авакян и Д.А. Долгушин (личный друг Лысенко, начинал карьеру вместе с ним в Гяндже, потом вместе были в Одессе, после Москвы с 1951 г. снова в Одессе). Авакян, в частности, обрушился на вузовских генетиков и потребовал запретить им преподавать эту науку на основе менделизма-морганизма. Апогеем его бессвязной речи стал политический вывод, похожий на донос: «Сегодня менделизм-морганизм является слугой своего класса, класса милитаристской буржуазии». Долгушин распространялся о прожектах решения зерновой проблемы в СССР с помощью ветвистой пшеницы, колос которой содержит в пять раз больше зерна, чем обычная. Под эту идею он подвел и безграмотное с научной точки зрения «теоретическое» объяснение: «Ветвистая пшеница есть результат усиленного кормления бывшей когда-то обычной неветвистой» [6, 42-50, 147-189, 204-210].

Ольшанский в награду за активность в избиении научных кадров Украины и в разгроме генетики стал действительным членом ВАСХНИЛ и отныне безвестный кандидат наук именовался не иначе как «академиком». Интересно обоснование его выдвижения в ВАСХНИЛ, принятое на ученом совете Селекционно-генетического института: «Вывел новый сорт хлопчатника – скороспелый, высокоурожайный, с волокном лучшего качества <...>. Сорт выведен на основе установленного академиком Т.Д. Лысенко принципа браковки по первому поколению <...>. Овладел мичуринской теорией наследственности». В академики выдвинуты и избраны (т.е. протолкнуты Лысенко) Авакян («занимает первое место среди учеников Т.Д. Лысенко по летней посадке картофеля») и Долгушин. Ученым советом ВСГИ выдвигались в академики, но не избраны, видимо, из-за молчаливой оппозиции к «стахановцу полей», такие действительно достойные селекционеры, как Ф.Г. Кириченко и П.Ф. Гаркавый [33, 63-68].

Несколько слов о «великих» достижениях Ольшанского по внедрению хлопчатника в южных районах Украины. Мнимые качества выведенного им нового сорта строились на приписках, подтасовках, прямых фальсификациях. А вот о чем свидетельствуют сухие цифры: в 1948 г. в трех районах Херсонской области (Цюрюпинском, Голопристанском, Скадовском) и в Акимовском районе Запорожской области хлопчатником было засеяно более 2 тыс. га лучших земель. По предложению директора ВСГИ А.Д. Родионова (еще один известный лысенковец) колхозников выгоняли на тяжелый ручной труд по чеканке растений. Урожая не собрали никакого [34, 90]. Итоги следующего года такие же плачевные: по всей республике посеяли 5 848 га, всходы были плохими, а уход за посевами – неудовлетворительный (во всех своих провалах одесские «мичуринцы» винили или погоду, или ленивых колхозников). Заготовлено всего 815 тонн хлопка-сырца [35, 89-90].

Затея с хлопчатником лопнула, как мыльный пузырь, но на нее были потрачены колоссальные денежные и трудовые ресурсы, годами не использовались под зерновые и другие сельскохозяйственные культуры многие тысячи плодородных земель. Главная же потеря – была убита вера людей в агробиологическую науку, в новые технологии. Но неистощимый на выдумки Лысенко решил еще раз отличиться и принять участие в выполнении сталинского плана преобразования природы и выдвинул новую, непроверенную экспериментами, идею. Он дал задание одесским последователям начать гнездовые посадки дуба для устройства полезащитных лесополос. Те взяли «под козырек» и сразу высадили семена на 150 га. Результат был тот же, что и с хлопчатником [35, 4].

Лысенковский институт в Одессе, – а ВСГИ постановлением Совета Министров от 25 сентября 1948 г., подписанном лично Сталиным, было присвоено имя Т.Д. Лысенко, – не только пропагандировал архаичные приемы семеноводства, он отвергал как вавилонскую генетику, так и всю генетическую науку в целом. Хотя в его структуре имелся отдел генетики, ни на одном заседании научного совета 1948-1950 гг. не говорилось о работах этого отдела, а в годовых отчетах он вовсе отсутствовал. Так что в этом заведении жертв идеологической кампании против генетики не обнаружено, жертвой оказалась сама наука. «Генетических ведьм» не было, остались лишь привидения в облике жрецов науки, таких как Ольшанский и иже с ним.

На заседании ученого совета Таировского института 20 августа 1948 г. доклад об итогах сессии ВАСХНИЛ сделал сотрудник селекционно-генетического института А.И. Воробьев (вскоре направленный в университет на укрепление кадров). Выступавшие в прениях не столько обсуждали научные проблемы, сколько прославляли партию и учение Мичурина-Лысенко. «Мичуринская агробиологическая наука – это наша отечественная наука, созданная великой партией Ленина-Сталина. Тот факт, что эта подлинно материалистическая агробиологическая наука родилась и победоносно развивается в нашей советской стране, глубоко радует нас и поднимает чувства патриотизма у всего советского народа. Учение Мичурина-Лысенко открывает нам новые пути в изучении сил природы <...>», – такую предвыборную риторику выдал один ученый-виноградарь, забывши, что он не на митинге. Другой оратор, директор института Н.П. Науменко, открыл секрет научных успехов Лысенко:

«Характерной чертой в творчестве Лысенко является разработка на базе диалектического материализма. Яровизация была известна и до Лысенко, однако никто не мог объяснить сути процесса яровизации с биологической точки зрения и двинуть работу вперед». В стенах вверенного ему НИИ директор «генетических ведм» не обнаружил, поэтому он громил лишь давно умерших Менделя и Вейсмана. В итоге такой дискуссии ученый совет «приветствовал и целиком поддержал» решения сессии ВАСХНИЛ, потребовал в 10-дневный срок пересмотреть тематику и методику научно-исследовательской работы [69, 116-117].

«Генетической нечисти» не завелось и в стенах биологического факультета Одесского государственного университета. И не удивительно, так как его ректорами были биологи-лысенковцы – Н.А. Савчук (1939-1948) и П. Иванченко (1949-1953). Первый пришел к власти в результате сложных закулисных комбинаций с участием обкома партии, когда присланный из центра ректор Пекарский, не явившийся на партсобрание для отчета, был свергнут и возглавлять университет стал 40-летний доцент Савчук [36, 11-21]. Его биография примечательна и наводит на размышления. Деревенский паренек, комсомольский активист, получил в Институте народного образования профессию историка (1927-1930), затем через год экстерном сдал за биологический факультет. Странное сочетание: историк и биолог (?!). Трудно удержаться от простого вопроса: насколько глубокими познаниями в биологии овладел Савчук за один год экстерната после трех лет изучения истории? Пусть читатель решит эту загадку самостоятельно, обратимся к партийной характеристике 1947 года, из которой явствует, что ректор ОГУ был всегда воинствующим материалистом и следовал в науке всем партийным установкам: «Обладая философской подготовкой (какой? откуда?), Савчук <...> вел борьбу с идеализмом и механизмом <...>, его работы имеют методологическое значение» [37, 91].

Вот это именно «методологическое» качество, говоря иначе, способность к софизмам и владение марксистской фразеологией, позволили Савчуку в дни всевластия Лысенко сделать головокружительную карьеру. Только закончилась сессия ВАСХНИЛ, а уже в сентябрьском номере журнала ЦК КП(б)У «Більшовик України» он публикует статью с выразительным заглавием «За диалектический материализм, против идеализма в биологии». Написана она хлестко, зло, но не оригинально. В статье повторены и даже усилены все одиозные положения недавнего доклада Лысенко: «биология – классовая партийная наука», никаких генов и хромосом не существует. Другие перлы творения одесского «мичуринца» состоят в безмерном восхвалении «народного академика», шельмовании украинских генетиков, академиков Шмальгаузена и Гришко, профессора Делоне. Позорная статья не осталась без вознаграждения – в январе 1949 г. Савчук стал министром просвещения республики; еще раньше его избрали член.-корром АН УССР.

На посту ректора осенью 1948 г. Савчук несколько раз собирал совет университета и напоминал собравшимся ученым о необходимости коренного пересмотра всей учебной и научной работы в свете решений августовской сессии ВАСХНИЛ. На одном из таких заседаний доклад сделал заведующий кафедрой дарвинизма доцент П.Л. Иванченко. Текст его выступления на украинском языке

сохранился и дает возможность увидеть всю теоретическую беспомощность еще одного университетского «мичуринца». Удивляет, прежде всего то, что заведующий кафедрой дарвинизма, кроме других объектов своей критики, обрушился на... Дарвина, учение которого он должен был защищать по должности. Далее, разумеется, следовал перепев доклада Лысенко, его восхваление, клеветнические выпады против генетиков Шмальгаузена и Дубинина. Вскоре Иванченко стал главным докладчиком на расширенном заседании ученого совета ОГУ, посвященного 50-летию Лысенко под привлекательным названием «Практические результаты использования метода вегетативной гибридизации Мичурина-Лысенко». Оказалось, что Иванченко работает над этой темой вот уже десять лет, но реальных гибридных томатов он не показал. Кроме примитивных рассуждений, нападок на менделистов-морганистов и очередных обещаний создать чудо-помидоры, ничего иного в докладе Иванченко нельзя найти. Тем не менее, по предложению Савчука совет решил послать «верного лысенковца» в Москву для вручения юбиляру приветственного адреса от имени Одесского университета [38, 212, 238-243].

Что касается Савчука, то он на заседании совета 2 ноября сделал попытку забежать «вперед паровоза» и расширить поле «охоты на ведьм», перенеся огонь на физиков-теоретиков. Он дословно сказал следующее: «Ряд физиков (Френкель [39] и другие) в теории пространства, строении материи и других [вопросах] допускают механистическое и идеалистическое толкование». Пересмотр теоретических положений современной физики, по его мнению, назрел и «<...> он скоро будет поставлен» [38, 230-231]. Однако прогноз историка и биолога-экстерна, а заодно философа и физика, не оправдался: партия плотно опекала работающих над созданием атомно-ракетного оружия ученых и не допускала, чтобы их обижали невежды.

В это же время ряды сторонников мичуринской биологии в университете пополнил доцент А.И. Воробьев, почти 20 лет проработавший в ВСГИ и хорошо знакомый с Лысенко. Он выступал на его, академика, юбилее с прочувственной речью, а когда «с целью популяризации учения Мичурина-Лысенко и достижений мичуринской науки» в ОГУ стали проводить так называемые мичуринские чтения, Воробьев здесь держал речь на тему «Академик Лысенко – великий новатор в биологии» [26, 6].

В спецвыпуске университетской газеты, вышедшем к юбилею Лысенко, опубликованы славословия всех трех ведущих биологов ОГУ – Савчука, Иванченко и Воробьева [12, 28.09.1948]. Их рвение было щедро вознаграждено: когда Савчук уехал министром в Киев, ректором был назначен доцент Иванченко. Воробьеву новый ректор и старый единомышленник тоже придумал повышение: как бы в насмешку над здравым смыслом член похоронной команды генетики стал заведующим специально для него созданной кафедрой... генетики. В ее состав вошли всего два человека – сам Воробьев и молодой преподаватель без научной степени. Тогда же Воробьев стал деканом биологического факультета и пробыл в должности целых десять лет. Занимая такие высокие посты, он интенсивно пишет и публикует «мичуринские» научные трактаты: в Москве выходит книга «Основы мичуринской генетики», за которую в следующем году Одесский университет присудил ему степень доктора биологических наук. Одновременно он заканчивает новый опус под кратким, но

выразительным названием «Наследственность». Студентам Воробьев рекомендует только труды признаваемых партией корифеев биологии – «Агробиологию» Лысенко и сочинения Мичурина, остальная научная литература под запретом. Его покровитель и друг Иванченко, став ректором, лекций студентам вообще не читает – у него пять аспирантов и много дипломников, зато он бдительно следит за тем, чтобы преподаватели его кафедры вели занятия по новым канонам. Так, посетив лекцию доцента А.Д. Бейкиной на тему «Предмет дарвинизма», Иванченко обнаружил три ошибки: недооценку вклада русских ученых в развитие эволюционных идей, недостаточный показ ошибок Дарвина и употребление неправильного выражения: «Дарвин вступил на путь марксизма». Спустя некоторое время Бейкина, еврейка по национальности, была уволена «по сокращению штатов» [40, 38-46, 56-63, 90-98].

Одесские «мичуринцы» Иванченко и Воробьев имели в научных кругах соответствующую репутацию, поэтому неслучайно, что разгромные рецензии на их книги напечатаны рядом, в одном номере московского журнала, отредактированного академиком В.Н. Сукачевым, мужественно отстаивавшего позиции генетической науки [42, 93-107]. Рецензент книги Иванченко «Введение в биологию» отмечает в ней множество грубых ошибок, ляпсусов и архаизмов, элементы плагиата, незнание элементарных фактов и событий истории биологической науки, ее сознательной фальсификации в угоду доморощенным «патриотам», слепом следовании антинаучным утверждениям Лысенко (его имя в книге упомянуто более 60 раз) и его верной ученице Лепешинской, опыты которой оказались подтасованными. Рецензент заключает, что книга Иванченко свидетельствует о недостаточной научной компетенции автора и низком теоретическом уровне его труда, за который ему была присуждена степень доктора биологических наук. Рецензия на книгу Воробьева звучит красноречиво: «Фальсификация науки под флагом мичуринского учения». Главный вывод рецензента о книге одесского «генетика» состоит в том, что это – не творческая работа, а пространный реферат статей Лысенко и некритическая пропаганда его ошибочных, антинаучных взглядов. Он подсчитал, что на 200 страницах книги «народный академик» упомянут 214 (!) раз, а кроме того в ней присутствуют его прихвостни – Презент, Авакян, Долгушин. Генетика, по Воробьеву, не только оторвана от других биологических наук, но и от сельскохозяйственной практики. Хотя книга и называется «Основы мичуринской генетики», но взгляды Мичурина изложены в неполном и искаженном виде; под флагом Мичурина преподносится антинаучная «лысенковская» генетика. Рецензент заключает: «Ни одной оригинальной мысли автора в книге нет... Книга А.И. Воробьева не оригинальна, узка по содержанию и тенденциозна... [она] может только дискредитировать мичуринскую генетику». Книга, добавим мы, действительно дискредитировала, но не генетику, а одесских «псевдогенетиков», выкормышей идеологизированной партийной биологии.

Из сотен одесских ученых только один смело и открыто выступил в защиту классической генетики, причем сделал он это за год (!) до сессии ВАСХНИЛ. Такой поразительный пример научной принципиальности и гражданского мужества явил доцент Ю.П. Мирюта, заведующий кафедрой селекции и семеноводства Одесского сельскохозяйственного института. Произошло это следующим образом: в августе 1947 г. на партийном собрании института

обсуждалось письмо ЦК по делу Ключевой-Роскина. Затем состоялось общее собрание профессорско-преподавательского состава. На нем, отмечается в официальном документе, «установлены факты антипатриотических поступков и преклонения перед иностранщиной доцента Коломийца, преподавателей Барданова, Неженцева и Ершова. Все они освобождены от работы». На собрании выступил доцент Мирюта и заявил, что «<...> не только Жебрак [упоминаемый в письме ЦК как генетик-антипатриот], но и академик Т.Д. Лысенко стоит на идеалистических позициях». Такой неожиданный и смелый выпад против «главного мичуринца» страны вызвал смятение у руководителей ОСХИ. Они добились того, что собрание «резко осудило выступление Мирюты и разоблачило его, как сторонника реакционного вейсманизма». После сильного нажима мятежный доцент, следуя ритуалам того времени, признал свою ошибку и, казалось, был прощен [66, 4-5].

Тем не менее, 10 октября 1947 г., Мирюта, будучи членом партии, был принужден сделать на заседании партбюро научный доклад «О теоретических основах селекции сельскохозяйственных растений», факт небывалый в истории низовых партийных ячеек, которые никогда не обсуждают спорные теоретические проблемы. Партийцы, очевидно, ожидали от Мирюты капитуляции, у него был месяц на размышления. Однако Мирюта проявил твердость характера и научную принципиальность, отстаивая свои взгляды и убеждения. Тут же партбюро решило, что Ю.П. Мирюта «<...> стоит на реакционных идеалистических позициях и сочло невозможным его дальнейшее использование на научной и педагогической работе» [67, 62-67].

Когда спустя год партийное собрание ОСХИ обсуждало итоги августовской сессии ВАСХНИЛ, имя Мирюты то и дело всплывало в выступлениях. Причем рядом с ним ставили и ректора института А.А. Вербина, который «маскировал себя. Он не выступал сам менделистом, а менделистов поддерживал». Его обвиняли в том, что превратил ОСХИ в очаг менделизма-морганизма, где «формальная генетика читалась в самом реакционном ее выражении». Напрасно Вербин клялся, что «<...> всегда в своих лекциях и печатных работах пропагандировал единственно правильное учение Мичурина-Лысенко». С обвинительной речью против ОСХИ и его ректора выступил новоиспеченный академик ВАСХНИЛ Ольшанский, давно собиравшийся сокрушить конкурента селекционно-генетического института и подчинить ОСХИ. В частности, он заявил, что за четыре года студентов туда ни разу не водили, между тем отовсюду приезжают к нему учиться: «К нам приезжают со всего Союза, а соседний Институт не пользуется такой базой, как Селекционный Институт <...>. Из всего этого можно сказать, что проморганистская линия в Институте [сельскохозяйственном] была и есть. <...> Виновником всего этого является проф. Вербин». Партсобрание 11 сентября 1948 г. направило письма в ЦК КП(б)У и в Одесский обком партии об увольнении Вербина с поста ректора ОСХИ «<...> за проведение в течение трех лет реакционной проморганистической антимичуринской линии <...>» [68, 75-98]. Вместе с ним репрессиями подвергались профессора С.М. Москвичев (он был уволен) и В.И. Жеденев, в научных трудах которого нашли идеи вейсманизма. «Профессор Жеденев в идейно-теоретическом отношении безграмотен, он слепо шел за Шмальгаузенем», – обвинял его на партбюро один из ретивых «мичуринцев»,

припомнив, что статья Жеденева была опубликована в академическом сборнике по рекомендации академика И.И. Шмальгаузена. Партбюро сделало вывод, что Жеденев «стоит на неправильных позициях преформизма и автогенеза в эволюции животных». Решено было заставить почтенного профессора признать свои ошибки. В негативном контексте упоминался профессор ОГУ И.И. Пузанов, который якобы стал на путь покровительства ошибок Жеденева, так как он дал положительный отзыв на его публикации и аргументировано отклонил все обвинения в его адрес как вздорные [76, 117-135, 161-182]. Таким образом, к Мирюте добавились еще две «генетические ведьмы» в лице профессоров Москвичева и Жеденева.

Единственным университетским биологом, не запятнавшим свои белые одежды предательством по отношению к высокой науке, которой честно служил всю свою долгую жизнь, был профессор И.И. Пузанов. Когда в мичуринском лектории Воробьев подобострастно восхвалял малограмотного агронома-полевода как «гения биологической науки», Пузанов делился своими личными воспоминаниями о встречах с К.А. Тимирязевы и Н.Н. Миклухо-Маклаем, читал лекции о родословной человека по новейшим данным [26, 6]. Не будучи специалистом в области дискуссионных проблем наследственности, Пузанов не выступал открыто в поддержку генно-хромосомной теории, но всем своим поведением показывал, что не поддерживает шабаш лысенковцев. Это воспринималось руководством ОГУ как глухая оппозиция официальной линии, и Пузанов на общеуниверситетском партийном собрании в январе 1953 г. получил первое предупреждение. На этом собрании, в который раз, словесной порке подвергались известные университетские «ведьмы» - Павлов, Розенталь, Алексеев-Попов, Дябло, – и впервые прозвучало новое имя: Пузанов. Проректор по науке В.П. Тульчинская упомянула имя Ивана Ивановича, сказав, что «на теоретической конференции профессор Пузанов выступил несерьезно» [12, 22.01.1953]. Тема «несерьезности» 70-летнего заслуженного ученого не получила, однако, развития, так как месяц с небольшим спустя умер Сталин и лысенковщина утратила, наконец, свою главную опору.

Тогда Пузанов перешел в наступление на лженауку. В следующем году в московском журнале, сохранившем верность классической генетике и смело разоблачавшем обскурантизм новоявленных ламаркистов, он опубликовал статью «Сальтомутации и метаморфозы». В ней Пузанов высмеял безграмотное утверждение Лысенко о появлении новых видов в природе путем прыжков (сальтомутации). В писаниях Лысенко, открыто утверждал Пузанов, возрождаются средневековые предрассудки, а выводы из его учения лежат за пределами науки [43, 62-70].

К этому времени пересмотрел свои воззрения и Савчук. К его чести следует сказать, что, вернувшись в Одессу после недолгого пребывания в Киеве на министерском посту, он провел серьезное научное исследование в области микробиологии. В результате он опубликовал статью, в которой опроверг псевдонаучные установки последовательницы Лысенко О.Б. Лепешинской о неклеточном происхождении живой материи. Правда, смелость бывший ректор ОГУ проявил лишь в 1956 г., когда Лысенко потерял свои диктаторские полномочия в биологической науке.

В глухой оппозиции к лысенковщине находились ученые Украинского экспериментального института глазных болезней. Авторитет академика В.П. Филатова в стране и мире был настолько велик, что он мог вполне игнорировать и малообразованного выскочку-полевода, и его псевдонаучное учение. На ученом совете института еще до августовской сессии ВАСХНИЛ произошел примечательный диалог. Заместитель директора профессор С.Ю. Кальфа задал докладчику вопрос с подвохом: «Академик Лысенко говорит, что среди видов нет борьбы за существование. Соответствует ли это современным установкам науки?». Отвечал старший научный сотрудник А.Ф. Сысоев: «Взгляд академика Лысенко пока не имеет точек соприкосновения с нашими взглядами». Ответ изящный, уклончивый, но медики хорошо знают латынь: *sapienti sat* («умному достаточно»). В конце августа на совещании биологов в Киеве побывали сотрудники Филатовского института Сысоев и Мучник. Последний, держа речь на ученом совете Филатовского института (в отсутствии самого Филатова), изложил мнение выступавших в Киеве генетиков, противников Лысенко, – Делоне, Финкельштейна, Гришко, Полякова, заключив, что «совещание прошло на высоком идейном уровне».

Непосредственно за этим сюжетом докладчик в позитивном ключе говорил о генетическом конгрессе в США. Чтобы как-то исправить явно нежелательный подтекст дискуссии, заместитель директора Кальфа в заключительном слове признал, что в институте «мало сделано для того, чтобы полностью познакомиться с трудами мичуринцев». Он поручил библиотеке приобрести труды Мичурина, Лысенко и других, а также пригласить в институт для доклада академика Ольшанского [44, 61-62, 84-84 об.]. Выступило ли перед филатовцами «светило» одесских мичуринцев и какое оно произвело впечатление, в документах не отражено.

В других одесских медико-биологических учебных и научных учреждениях решения августовской сессии ВАСХНИЛ или одобрили формально, или вообще не обсуждали. В медицинском институте разговор об этом шел на трех (!) заседаниях, но чисто формально: никого не критиковали, потому что в защиту генетики никто не поднялся [28, 213, 319-325]. Таким образом, в Одессе идеологическая кампания по выявлению и уничтожению «генетических ведьм» захлебнулась, ибо таковых не было обнаружено. Человеческих жертв кампания не принесла, жертвой оказалась сама наука, попавшая в руки невежд, бездарей и демагогов. Для страны же уничтожение генетики обернется вскоре величайшим бедствием: дальнейшей деградацией сельского хозяйства и необходимостью массированного, ежегодного импорта сотен миллионов тонн зерна и других продовольственных товаров из стран, где генетика была в почете и где полным ходом шла «зеленая революция» (США, Канада).

От идеологического лозунга «Назад, к Мичурину!» заправили агитпропа ЦК плавно перешли к следующему – «Назад, к Павлову!». В жертву этой кампании был принесен крупнейший одесский медик, академик АН УССР Г.И. Маркелов. Он занимал две должности – научного руководителя Научно-исследовательского психоневрологического института и заведующего кафедрой нервных болезней ОМИ. Он был крупной научной величиной, но не столь большой, чтобы стать неприкасаемым, как Филатов, и эту разницу старый ученый чувствовал и вел себя вполне послушно. Маркелов поддерживал, хотя и

без особого усердия, все проводившиеся кампании. В отчете психоневрологического института сказано: «Научный совет одобрил решения сессии ВАСХНИЛ и Украинского республиканского совещания о положении в биологической науке и решительно осудил лженаучное реакционное вейсман-мендель-моргановское направление в биологии». В другом отчете говорится: «Ошибок вейсманоморганистских [у сотрудников института] не найдено» [45, 29, 41].

Сам Маркелов подготовил в русле «мичуринской генетики» доклад на тему «Наследование и вегетативная нервная система», переработал и выпустил второе издание книги «Заболевания вегетативной системы», которая была в 1949 г. выдвинута на Сталинскую премию. Но премию академик не получил, а вскоре из Москвы он узнал о причинах отказа – его имя в критическом плане прозвучало на объединенной сессии АН и АМН по проблемам учения И.П. Павлова. На сей раз очередную идеологическую кампанию инициировал молодой Ю. Жданов, написавший «корифею всех наук» тревожное письмо. В нем он спрашивал Сталина правильно ли у нас развивается Павловское наследие: «В стране около 300 научно-исследовательских медицинских учреждений, однако успехи медицины более чем скромны». Упадок экспериментальной базы достиг такого уровня, что в стране осталась только *одна* человекообразная обезьяна (в Америке их тысячи!); этот пассаж он заканчивал паническим выкриком: «До чего упала физиология!». Сталин с пониманием отнесся к письму и предложил Жданову, курировавшему в ЦК партии развитие естественных наук, иезуитскую тактику. Для ликвидации монополии мнимого врага учения Павлова академика Л.А. Орбели, занимавшего 20 должностей, «нужно сначала собрать втихомолку сторонников академика Павлова, организовать их, распределить роли и только после этого собрать <...> совещание физиологов» [8, 278-285].

Жданов так и сделал: собрал втихомолку, распределил роли и летом 1950 г. провел из-за кулис совместное заседание двух академий, где был низвергнут Орбели и на пустой пьедестал воздвигнут новый кумир – давно умерший Павлов. В стране началась очередная «охота на ведьм», в этот раз – «физиологических». Была объявлена срочная «павловизация» всех медицинских наук – психологии, физиологии, невропатологии, психиатрии, а также педагогики. В Одесском медицинском институте были проведены две Павловские научные конференции – в 1950 г. и 1952 г. На первой из них с докладами выступили ведущие профессора – Маркелов, Мирельзон, Пападато, Левина, Мелик-Меграбов, Зайко, Цуверкалов. На кафедрах срочно проводились семинары по изучению трудов академика Павлова: только за четыре месяца 1950 г. состоялись 192 таких мероприятия. В клиниках ОМИ больных стали лечить глубоким сном, по Павлову [46, 220-222, 262-264].

В Мечниковском институте эпидемиологии и микробиологии, несмотря на его специфику и удаленность от физиологии, также срочно разработали «План мероприятий по изучению трудов академика Павлова и развертывание исследований, развивающих идеи и направления Павлова на 1950 и 1951 гг.». План содержит набор знакомых стереотипных фраз, начинающихся словами «организовать», «пересмотреть под углом зрения», «обсудить» и т.п. И вновь, как панацея при всех болезнях, глубокий сон по Павлову – «его влияние на развитие и течение инфекций и интоксикаций». Далее перечислены такие страшные болезни, что сном, даже «по Павлову», вряд ли можно излечить: бешенство,

столбняк, газовая гангрена. Пример этой профанации науки подала сам директор, доцент Н.Д. Анина-Радченко: она готовила тогда докторскую диссертацию по бруцеллезу «с учетом Павловского учения» [47, 52-53, 76].

В условиях Одессы новая кампания имела одну особенность: если «генетических ведъм» здесь не нашли, то «ведьму физиологическую» таки обнаружили, причем довольно крупную. Правда, не местные ловцы, а на нее указали перстом из центра, прямо из Москвы. Как было выше сказано, им оказался академик Маркелов. В сентябре 1950 г., совершенно неожиданно для присутствующих, он выступил с самокритикой на научном совете психоневрологического НИИ. Он признал, что следовал учению академика Орбели и покался в этом. Несколько позже, в годовом отчете института, говоря о себе в третьем лице, академик подробно описал свои «прегрешения»: «Маркелов в книге «Заболевания вегетативной системы» (1949 г.) допустил ряд недочетов и ошибок методологического характера. Самой существенной ошибкой надо считать неправильную постановку проблемы вегетативной нервной системы, которую [он] рассматривал в отрыве от нервной системы в целом и, в частности, от коры головного мозга, считая вегетативную систему ведущим звеном в регуляции всех процессов в организме. Эта неправильная трактовка базировалась на учении академика Орбели об адаптационно-тропической функции вегетативной системы, взгляды которого в настоящее время осуждены». Сказано длинно и коряво, но вполне ясно: Маркелов был прежде сторонником Орбели, но поскольку ныне взгляды того осуждены, объявляет себя правоверным павловцем. Конец донесения звучит оптимистично: «В настоящее время Маркелов полностью признал свои ошибки и заканчивает переработку своей монографии» [48, 82].

Как произошло это «прозрение» Маркелова, позволяют увидеть документы с другого места работы академика – из ОМИ. «В связи с критикой некоторых концепций академика Маркелова, имевшей место на совместной сессии АН и АМН, академик Маркелов в своих последних работах рассматривает деятельность вегетативной нервной системы в подчинении коры полушарий головного мозга», – так перестроился бывший орбелианец [46, 91]. Перестроил он также работу психоневрологического института: научная деятельность критически рассмотрена и перестроена с целью еще большего углубления учения Павлова в невропатологию и психиатрию. На 1951 год взята новая тема научной работы «Физиология и патология высшей нервной деятельности» [48, 11]. Вегетативную систему, которой Маркелов занимался три десятка лет и где стал признанным авторитетом, пришлось забыть. Отныне вся научная работа концентрируется вокруг изучения условных рефлексов; например, изучается влияние адреналина на условные рефлексы собак, влияние темноты – на тех же собак, и т.п.

Кроме идеологического нажима, увлечение простыми и дешевыми экспериментами (наличия собак у медиков, садового ножа для прививок и секатора – у селекционеров) во всех одесских НИИ объясняется отсутствием или устарелостью материально-технической базы. Проводить высокотехнологические опыты по генетике или психологии ни в ВСГИ, ни в других учреждениях не было никакой возможности. Об этом имеется много документальных свидетельств. Например, в Одесском медицинском институте: «Экспериментальная база не

соответствует требованиям. Аппаратура устарела и новые приборы приобретаются крайне скупо <...>. Приобретение экспериментальных животных связано с невероятными осложнениями» [46, 277]. Такая же ситуация в селекционно-генетическом, психоневрологическом, эпидемиологическом НИИ. В последнем из названных, по признанию директора, «материально-техническое обеспечение неудовлетворительное» [49, 67]. В рентгенорадиоонкологическом институте, где, судя по названию, должна стоять сложная, высокоточная аппаратура и применяться новейшие радиоизотопные препараты, этого нет и в помине. Вот что обнаружила комиссия Минздрава СССР: цитодиагностики нет, вновь прибывшая импортная рентгенаппаратура системы Вестингауза не работает, так как некомплектна, биохимическая лаборатория закрыта [15, 17, 23].

В лаборатории экспериментальной психологии университета профессор Д.Г. Элькин проводил свои опыты тоже на весьма примитивном оборудовании и с теми же «собаками Павлова», что и везде. Автор настоящих строк, будучи студентом первого курса, был очевидцем этих экспериментов по выработке условных рефлексов, кстати сказать, для слабых нервов современных защитников животных – непереносимых. Сам Элькин, по словам его биографов, также пострадал во время кампании «Назад, к Павлову!». Ему чинили препятствия во время подготовки докторской диссертации, задержав ее защиту на семь лет. Кроме того, он не смог опубликовать монографию «Психология животных» из-за частых ссылок на труды основоположника зоопсихологии, Нобелевского лауреата К. Лоренца [50]. Профессора Элькина можно было бы посчитать жертвой идеологической кампании и поставить рядом с академиком Маркеловым, если бы не одно обстоятельство: документальных подтверждений этим словам не найдено. Есть подозрения, что это не более как лукавство его учеников, желающих подретушировать портрет заслуженного ученого. Элькин до конца своих дней вполне благоденствовал, пробыв на посту заведующего кафедрой рекордный срок – с 1930 г. по 1983 г.

За Павлова пострадал профессор медицинского института Л.Л. Пападато: в лекции 25 октября 1951 г. он допустил «серьезную методологическую и методическую ошибку: при изложении учения академика Павлова о первой и второй сигнальных системах последние были представлены им не в их взаимосвязи, а в отрыве одна от другой <...>». Кроме того, он якобы извратил взгляды Ленина (по какому вопросу – в документе не раскрыто) [51, 20-21]. Эти промахи, если они не выдуманы проверяющими, стоили профессору Пападато поста заведующего кафедрой: в начале 1952 г. его провалили при переизбрании на занимаемую должность [52, 110]. Академик Маркелов, тяжело переживая свое унижение, скончался в 1952 году.

Подводя итоги реализации призыва партийной пропаганды «Назад, к Павлову!», можно сделать вывод, что он имел для психологической (прежде всего) науки столь же разрушительные последствия, как и предыдущий лозунг «Назад, к Мичурину!» для биологии и сельскохозяйственной науки. Как в одном, так и в другом случае происходила вульгаризация, упрощение и примитивизация категориальных основ, экспериментальных методов, технологического инструментария. Психология не была ликвидирована, как классическая генетика, но превращена во второстепенную науку, наполовину подменена физиологией высшей нервной деятельности «по Павлову». Были закрыты надолго три

направления исследований: социальная психология, психология личности, политическая психология. Еще раньше были уничтожены педология и психосоматика. После сессии АН и АМН лета 1950 г. в педагогической психологии многие годы господствовал рефлексологический подход, который проявился в том, что обучение строилось на основе условных рефлексов [53, т. 1, 259-272]. Это также сильно затормозило развитие педагогической науки и практики.

Гонения на генетиков-морганистов, затем – на психологов-орбелианцев шли параллельно с начавшейся раньше других и не прекращавшейся никогда кампанией уничтожения инакомыслия в гуманитарных науках – истории, литературоведении, где искали и находили наиболее опасных врагов советского режима – украинских националистов. В силу специфики этнического состава Одессы «охота на литературных ведьм» не могла быть сколько-нибудь массовой. Тем не менее ее жертвами стали несколько преподавателей университета и педагогического института. Предыстория этой кампании относится к военному времени, когда в агитпропе, еще в закрытом порядке, раскритиковали «Очерки истории Украины», книгу академика Воблого и статью П. Тычины. С 1946 г. антиукраинская пропаганда в партийной печати приобретает открытый и систематический характер. Партийные функционеры под лупой изучают публикации поэтов, писателей, историков и литературоведов, находя – часто между строк, в подтексте – проявления патриотизма, которые немедленно объявляются «буржуазным национализмом» и берутся под критический огонь. «Виновные» подвергаются моральному террору, шельмованию, они вынуждены каяться, выступать с публичной самокритикой; нередко к ним применяются меры административного воздействия, вплоть до увольнения с работы.

В Одессе объектами постоянных нападков и обвинений в украинском национализме стали преподаватели украинских отделений словесных факультетов университета и педагогического института. Первой жертвой стал доцент А.В. Недзведский, заведовавший в послевоенные годы кафедрой украинской литературы ОГУ. Уже 5 сентября 1946 г. в газете «Чорноморська комуна» публикуется директивная статья под характерным названием «Националистические извращения в преподавании истории украинской литературы в ОГУ». В ней, однако, кроме общих рассуждений и трафаретных призывов «разоблачить» и «искоренить национализм», нет конкретных фактов и имен. Месяц спустя в другой одесской газете «Большевицкое знамя» огромной статьей на целую полосу разразился сотрудник агитпропа обкома партии С.М. Ковбасюк, он же – заведующий кафедрой истории УССР в университете. О нем следует сказать несколько слов: будучи учеником репрессированного академика М.Е. Слабченко, его когда-то самого травили, облыжно обвиняли и в «национализме», и в «троцкизме». Теперь Ковбасюк, заняв высокий партийный пост, без всякого стеснения, стал шельмовать своих младших коллег.

Его статья называлась «Против буржуазно-националистических извращений в освещении истории и литературы Украины» и состоит на одну треть из риторических нападков на Грушевского, Скрыпника и Хвелевого. Другая треть посвящена злобному разносу вышедших в годы войны книг по истории Украины и «Очерков по истории украинской литературы». В самом конце статьи Ковбасюк пишет о «националистических извращениях» в лекциях

преподавателей ОГУ и ОПИ; называет имена виновных – Недзведский, Степняк, Дащенко, Добровольская (без инициалов). Все они игнорировали благотворное влияние русского народа на развитие украинской культуры и литературы [10, 9.10.1946]. На следующий день в ОГУ состоялось закрытое партийное собрание, на котором был заслушан доклад о решении горкома партии об извращениях и ошибках в работе кафедры украинской литературы. Этот документ по структуре, содержанию и стилистике – копия со статьи Ковбасюка [25, 35]. И вновь главным виновником произошедшего назван заведующий кафедрой доцент А. Недзведский, фамилия которого затем склонялась множество раз на всевозможных собраниях и заседаниях.

Из этих нападок Недзведский сделал соответствующий вывод, и с целью своей реабилитации спустя год, когда в стране с необычным размахом праздновали 800-летие Москвы, напечатал рабелепную статью. В ней с неумеренным пафосом, граничившим с иронией, Недзведский восхваляет вклад русской столицы в расцвете украинской культуры. Он заканчивает свою статью двусмысленным намеком: призывом Хвылевого «бежать от Москвы как можно скорее», причем этим словам не дает отпора, а только цитирует ответ Сталина, сказанный в далеком 1926 году [10, 7.09.1947].

Вскоре борзые охотники за «националистическими ведьмами», оставив на время Недзведского в покое, нашли новый объект преследований. Доцент В. Несторенко (в некоторых документах - Нестеренко), коллега Недзведского по кафедре и его «злой гений» все эти годы, опубликовал в университетской газете статью под кричащим заголовком «Выкорчевать остатки украинских буржуазных националистов!». В ней он ведет речь о том, что на заседании кафедры украинской литературы обсуждались буржуазно-националистические ошибки писателей М. Рыльского, Ю. Яновского и И. Сиченко, но вот преподаватель М. Дащенко взял критикуемых под защиту. Став на путь «замазывания их ошибок», он говорил, что у Рыльского «нет противопоставления украинского народа народу русскому». Несторенко обвинял молодого преподавателя в самых опасных прегрешениях той эпохи – буржуазном объективизме, аполитичности и безыдейности. Конец статьи звучит традиционно: «Кафедра осудила позицию М. Дащенко». В примечании *от редакции* сказано, что совет университета принял решение об увольнении подвергнутого экзекуции преподавателя [12, 17.01.1948].

В газетной статье Несторенко скрыл, что на заседании кафедры против Дащенко выступал и Недзведский. В архиве сохранился протокол заседания от 14 января 1948 г., где сказано, что Недзведский обвиняет Дащенко «в замазывании ошибок Максима Рыльского». Из научной дискуссии Недзведский сделал далеко идущие политические выводы, предвосхищающие те выражения, которые произнесет вскоре Лысенко по адресу своих оппонентов: «Огромная политическая ошибка Дащенко в том, что он во время жестокой борьбы с украинским национализмом выступил в роли адвоката националистических ошибок Рыльского, ставя этим под сомнение правильность постановлений партии». На совете университета при обсуждении отчета Несторенко о работе кафедры выяснилось, что Дащенко допускал подобные ошибки еще в своей кандидатской диссертации 1946 года, но «не раскритиковал

их, а продолжил». Вот тогда-то и было принято решение советом об его увольнении [54, 120, 126-129].

Линия поведения Недзведского в эти годы не поддается однозначной оценке; его поведение противоречиво и непоследовательно. Ясно, с одной стороны, что он отстаивал свои научные убеждения и, вне сомнения, как жертва идеологической кампании испытывал моральный террор, преследования и шельмование. С другой стороны, по логике тоталитарного общества, охотник и дичь нередко меняются местами: бывало, Недзведский сам призывал к расправе над коллегами, обвиняя их в идеологической крамоле. Кроме случая с Дашенко, известен еще один пример. Вкратце он сводится к следующему.

Весной 1948 г. Недзведский выступил в университетской газете с обвинениями коллег с кафедры русской литературы в том, что, являясь учениками профессора О.М. Волкова, они проповедуют в своих лекциях взгляды «школы Веселовского». Он пишет, что Волков много лет возглавлял эту кафедру и был в свое время учеником академика А.Н. Веселовского, концепция которого ныне объявлена вредной [12, 20.04.1948].

Вскоре та же газета опубликовала ответ на обвинения Недзведского доцента И. Цукерман, которая категорически отрицала принадлежность Волкова к школе Веселовского. Рядом с этим материалом на странице стоит большая статья без подписи (ее аргументы и стилистика таковы, что у читателя возникают подозрения в авторстве самого Недзведского). В ней собрано всё, чтобы опорочить И. Цукерман и заодно другую ученицу Волкова – доцента С. Гросман. Автор-аноним в доказательство безыдейности лекций Цукерман цитирует ее слова о герое романа Достоевского «Идиот»: «Князь Мышкин – рыцарь красоты и правды. Это совершенный идеальный образ человека, свободного от всяких экономических побуждений». Такие прекрасные слова, с точки зрения марксистских фарисеев, звучат как опасная ересь, которую надо немедленно искоренить. Статья заканчивается призывом к парторганизации и к деканату принять административные меры к еретикам.

Упреждающий удар Недзведского по соседней кафедре не принес ему, однако, спасения. Через месяц «Радянська Україна» опубликовала, а университетская газета оперативно перепечатала, статью под выразительным заголовком «Вредные извращения в преподавании литературы» [12, 1.06.1948]. В ней дана злобная критика всего, что говорил и писал Недзведский за последние годы. В негативном контексте упомянут и доцент Б. Шайкевич. Конец статьи традиционен – он призывает к административной расправе над виновными: «Материалы научной конференции свидетельствуют, что общественные науки в ОГУ преподаются неудовлетворительно. Особенно недопустимое положение сложилось на кафедре украинской литературы. Эта кафедра нуждается в срочном оздоровлении». Призыв несколько запоздал – Недзведский был снят с заведывания еще осенью прошлого года; его место занял его постоянный оппонент и антипод Несторенко.

Статья из «Радянської України» обсуждалась на заседании ученого совета университета 25 июня 1948 г. Текст выступления на нем Недзведского сохранился, он занимает четыре страницы. Его линия защиты типична для тех, кто не капитулировал под давлением шовинистов: признавая ряд «<...> грубых буржуазно-националистических ошибок» (не самых важных), он все свои

остальные научные позиции продолжает аргументировано защищать [54, 29-33]. В конце того же года профессор В. Богатский, проректор ОГУ, докладывал, что у Недзведского, Дашенко и молодого преподавателя Галащука обнаружены серьезные ошибки. Последний в своей диссертации, защищенной в прошлом году, по требованию оппонентов выбросил целую главу о Максиме Рыльском, и этот достойный сожаления факт якобы его компрометирует. Проректора поддержал Несторенко, сказавший, что Недзведский неправильно читает лекции, в частности, с националистических позиций излагает отношения между Шевченко и Белинским [38, 168-169].

О Недзведском участники охоты за «националистическими ведьмами» в стенах ОГУ не забывали и в последующие годы. Когда с февраля 1949 г. начались гонения на театральные критиков, названных «безродными космополитами», он очутился в их числе. Надобно заметить, что кроме литературоведения, Недзведский, бывший журналист и плодовитый автор, писал и театральные рецензии на постановки одесских театров. Теперь его имя склоняют на разных собраниях как «пособника безродных космополитов» Розенталя и Шайкевича [10, 20.03.1949].

Моральный и административный нажим на Недзведского стал настолько невыносимым, что он вынужден был сменить тему научно-исследовательской работы и – свои убеждения, которые, как видно из приведенных фактов, были нестойкими. В 1950 г. он покинул Шевченко как основную тему исследований и принялся за разработку другой, более актуальной, по мнению одесского агитпропа, а именно «Украинские писатели – революционные демократы 90-900-х годов в совместной борьбе против антинародных литературных течений». Резюме к этой работе весьма показательно и звучит следующим образом: «Вопреки литературоведам-космополитам, которые изображают украинских революционно-демократических писателей конца 19 – начала 20 столетий одиночками среди моря националистической стихии, – работа показывает Франко, Лесю Украинку, Грабовского, Коцюбинского как союзников в борьбе против антинародных литературно-общественных учений, показывает, как писатели-демократы поддерживали один другого, представляя собой основную решающую силу в украинской литературе» [55, 64]. Приведенная цитата звучит как идейная капитуляция, однако не всё так просто.

И в следующем году Недзведского считают «уклонистом» и «националистом». Его постоянный обличитель Несторенко, ставший секретарем парторганизации филологического факультета, в университетской газете за 1 сентября печатает очередную клеветническую статью «Искоренить остатки буржуазно-националистической идеологии в литературе и литературной критике». В ней он комментирует и поддерживает кампанию, начатую в центральной украинской прессе против Сосюры, Корнейчука и Ванды Василевской [4, 162-165]. К ним он присоединяет и местный объект для облыжной критики, это – снова Недзведский. Оказывается, он допустил новые националистические ошибки: в статье о В. Стефанике не указал, что творчество украинского писателя сформировано под влиянием передовой русской литературы, особенно Горького. Партийным органам, видимо, надоело перевоспитывать Недзведского, и по итогам 1952-1953 учебного года он был уволен из ОГУ. В отчете за год в списке уволенных, среди прочих, значится

Недзведский А.В., доцент кафедры украинской литературы – «за неоднократные буржуазно-националистические ошибки» [22, 143]. В это время Несторенко уже заведовал в обкоме партии отделом науки.

Если на кафедре украинской литературы ОГУ постоянно находили «буржуазных националистов», то на соседней кафедре украинского языка поначалу было спокойно, пока Сталин не возжелал стать великим корифеем в языкознании. Летом 1950 года он опубликовал в «Правде» статью «Марксизм и вопросы языкознания» и развязал дискуссию по вопросам языкознания. Чтобы стать признанным светилом в этой науке, почетный академик Сталин должен был ниспровергнуть прежнего кумира академика Н.Я. Марра. Хотя последний давно умер (1934), марризм, начиная с конца 1920-х годов, когда было уничтожено классическое языкознание и репрессирован его лидер Е.Д. Поливанов, продолжал держать твердо монополию в лингвистике. Вообще говоря, марризм представлял собой электическую смесь социологизированного вульгарного марксизма, широчайшего и разнообразного лингвистического материала с буйной фантазией такой экстраординарной личности, каким был Марр. Итак, к прежним лозунгам идеологических кампаний «Назад, к Мичурину!» и «Назад, к Павлову!» добавился новый «Долой Марра, вперед, к Сталину!».

Еще шла охота на «националистических ведьм» (она никогда не прекращалась) на кафедре украинской литературы, как по соседству начались поиски новых врагов – марристов, явных и скрытых. Совсем недавно, в декабре 1949 г., в университете торжественно отметили 15-ую годовщину со дня смерти основателя «нового учения о языке» академика Марра. На созванной конференции выступили ведущие языковеды доценты А. Москаленко, Юсим, Н. Букатевич, Смагленко. Они на весь голос восхваляли и комментировали новаторство Марра, его марксистскую идейность и богатство лексического материала, собранного во многих уголках планеты. Более других старался заведующий кафедрой украинского языка Москаленко, по-видимому, искренне веривший в правоту новой марксистской языковедческой науки – яфетидологии.

Не прошло, однако, и года, как отношение к Марру и его учению изменилось на противоположное. Уже в сентябре 1950 года университетская газета публикует передовую статью «Коренным образом изменить работу лингвистических кафедр» [12, 20.09.1950]. В ней прозвучала резкая критика в адрес языковедов ОГУ, которые во время дискуссии и даже после статьи Сталина не осудили учения Марра. Названы пофамильно главные виновники такого положения: заведующий кафедрой русского языка Букатевич, заведующий кафедрой украинского языка Москаленко и заведующий кафедрой классической филологии Черняховский. Позже к этой тройке присоединили еще одного разоблаченного марриста – доцента Когана. Последний для самореабилитации срочно изменил тему научной работы и стал выполнять новую: «Вопросы языка и мышления в свете трудов тов. И.В. Сталина», где, по словам аннотации, «дал критику знаковой формы языка, семантизма и марризма» [21, 11]. Коган, таким образом, пытался задушить в колыбели нарождавшуюся тогда новую и перспективную науку – семиотику.

Москаленко не впервые попал в список нарушителей принципа «большевистской идейности». Неутомимый надзиратель за чистотой идеологии, сидевший в обкоме партии доцент Ковбасюк еще в 1948 г. отмечал в своем

очередном доносе, что доцент Москаленко «допустил в освещении отдельных вопросов [истории украинского языка] антинаучные, путанные и вредные утверждения буржуазно-националистического характера» [56, 15]. Но тогда эта тема развития не получила, так как в разгаре была антигенетическая кампания.

Теперь Москаленко зачислили в правоверные марристы. Он больше других упорствовал в своих «заблуждениях», а, по существу, отстаивал свои научные убеждения. В свое оправдание он выдвинул не лишнюю остроумия аргументацию, которая должна была представить его защитником не марризма, а ... подлинного марксизма от его вульгаризаторов. Уникальный случай строптивости: Москаленко, бывший еще и деканом филологического факультета, посмел не согласиться с «корифеем всех наук». Он публично заявил: в трудах тов. Сталина «не всё понятно», поэтому перестройка преподавания языков на факультете будет возможна только тогда, «когда окончится дискуссия и всё будет ясно». Иначе, объяснил декан свою позицию, «можно впасть в крайность и броситься назад, к буржуазному языкознанию». Получается, что Москаленко косвенно обвинял самого Сталина в отступничестве от марксизма, в оппортунизме.

Смелое и парадоксальное выступление Москаленко тотчас же осудили и ректорат, и партбюро. Его речь приведена в годовом отчете университета как пример того, что на филологическом факультете «некоторые [преподаватели] на протяжении многих лет активно пропагандировали, популяризировали и всеми способами внедряли в научную и учебную литературу антимарксистское, лженаучное так называемое «новое учение Марра о языке» и этим нанесли большой ущерб делу подготовки советских специалистов филологов» [19, 21]. В этой тираде все будет верным, если уточнить, что марризм внедряли во все вузы СССР в приказном порядке и его монополия в науке поддерживалась 20 лет всей партийно-государственной машиной. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в именном архивном фонде Москаленко письма языковедов из других городов страны [56, 25-27]. Когда же последовало разоблачение марризма Сталиным, то многие из них оказались под огнем критики. Так, профессор Я. Немировский из Ростовского университета был объявлен марристом и подвергнут по этой причине травле; ему пришлось каяться, хотя он примкнул к Марру только «<...> под влиянием аракчеевского режима из-за установки на Марра по приказу министерства высшего образования» [57, 122-123].

Марризм вводили в вузовское преподавание под сильнейшим административным и партийным нажимом, как позже вводили в учебные программы электический коктейль из идей Мичурина-Лысенко-Павлова. Такое сочетание трех имен находим в отчете ОГУ за 1952 год [21, 36]. Странная и противоестественная комбинация: великий ученый, признанный во всем мире, первый русский Нобелевский лауреат рядом с садоводом-любителем и малообразованным агрономом-полеводом, уничтожившим целую науку – генетику. Затем к ним добавили имя Лепешинской, уличенной позже в подтасовке опытов, – и снова программы переделывали. Что касается марризма, то он скончался естественной смертью как теория, не выдержавшая испытания временем. Его адепт в Одесском университете А. Москаленко был уволен с работы в 1952 году [22, 145].

К концу 1940-х годов все проводившиеся в стране идеологические кампании стали приобретать все более и более антисемитскую направленность. Ученые, подвергавшиеся гонениям, травле и увольнениям все чаще носили еврейские фамилии. Их уже не обвиняли в морганизме-менделизме, орбелианстве или марризме, а в «безродном космополитизме», прямом пособничестве американскому империализму и его верному сателлиту – Государству Израиль. На эту тему имеются достаточно авторитетные публикации [30], в том числе документы высших органов партии и государства [3; 5].

Теперь установлено, что гонения на евреев были начаты по указанию Сталина, опасавшегося усиления идеологического влияния западных средств информации на советских людей через посредство граждан еврейской национальности после возникновения Израиля. На заседании политбюро ЦК партии Сталин без всякого стеснения говорил: «<...> любой еврей – националист, это агент американской разведки. Евреи-националисты считают, что их нацию спасли США <...>. Они считают себя обязанными американцам» [3, 394]. Массовая антисемитская кампания в стране, под покровом секретности, началась злодейским убийством выдающегося артиста и режиссера С. Михоэлса, занимавшего пост созданного в годы войны Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). О том, как по личному приказу Сталина высокие чины из министерства госбезопасности инсценировали несчастный случай с Михоэлсом, подробно изложено в записке Берии после смерти тирана [5, 25-28]. Первая жертвенная кровь евреев в начавшейся антисемитской кампании кремлевских «интернационалистов» пролилась 13 января 1948 г. А с февраля 1949 г. была объявлена открытая охота на «ведьм – безродных космополитов», которых вскоре стали называть также «сионистскими ведьмами».

Особая этническая ситуация в Одессе привела к тому, что эта кампания имела особенно много жертв. В городе и после войны, несмотря на все известные утраты, сохранялся значительный удельный вес евреев в общем составе населения. Что же касается членов партии, то евреев было больше русских и составляли они 42% от общего состава областной парторганизации [подсчитано по: 13, 45]. Поэтому эта кампания, последняя по счету идеологическая кампания позднего сталинизма, особенно больно ударила по творческой и научной интеллигенции города.

Весной 1950 года в Одессе прокатилась волна арестов евреев – писателей, журналистов, преподавателей средних учебных заведений. Первым был взят под стражу Х. Вайнерман, писатель, корреспондент издавшейся ЕАК газеты «Эйникайт». Обвинительные показания на него, как на «агента американской разведки», дали арестованные в Москве писатели Абрам Гонтарь – редактор «Эйникайт» и А. Каган. Кроме Вайнермана, были арестованы писатель Натан Лурье, преподаватель строительного техникума Х. Хейфец и другие, всего девять человек. В обвинительном заключении сказано, что они «<...> составляли группу еврейских националистов, организатором и вдохновителем которой являлся обвиняемый Хейфец <...>, проводили активную агитацию за выезд евреев из СССР <...>, выступали против национальной политики партии и правительства <...>, восхваляли буржуазный строй и буржуазную демократию». По другому делу был арестован и осужден еще один человек.

О том, что эти люди не были врагами советской власти, говорят откровенные письма Лурье из заключения. Он пишет о своей преданности писателя методу соцреализма, клянется в любви к большевистской партии и верности служению коммунистическим идеалам: «Во всех своих произведениях я старался показать нового советского человека, патриота своей Родины, человека с новыми качествами, для которого интересы государства превыше всего <...>» [58]. Думается, однако, что его подельники имели основания более критично относиться и к партии, и к советскому режиму. Тем не менее, все они имели природное право любить свою историческую родину, язык, культуру, религию, гордиться возрождением еврейского государства после двух тысячелетий небытия.

На юридическом факультете ОГУ была арестована группа студентов, обвиненных в антисоветской деятельности. Об этом стало известно в конце декабря 1952 г. на факультетском партсобрании с повесткой дня «Об усилении революционной бдительности». Выступая с докладом, декан Лиханов сообщил, что органами госбезопасности раскрыта группа студентов, проводивших антисоветскую агитацию, и привел несколько фамилий: Лубин, Хорол, Кушко, Ройтман, Меренков. Декан не привел других деталей, кроме того, что эти студенты осуждены военным трибуналом [64, 78-79]. Спустя месяц на университетском партсобрании и.о. ректора Ковбасюк усилил и заострил сказанное прежде деканом юрфака: «В стенах университета на юрфаке орудовала банда сионистов – злейших врагов нашего народа, агентура англо-американского империализма». Далее бывший обкомовский функционер подробно расписал все те ужасы, которые творят «Джойнт» и «врачи-убийцы». Из дальнейших выступлений выяснилось, что антисоветская ячейка зловредных сионистов была раскрыта еще в 1951 г., но почему партийцам объявили только теперь, никто ответить не взялся [65, 143-145].

Кроме полицейских репрессий, власти применяли против евреев Одессы и другие карательные и дискриминационные меры. Самые распространенные из них – лишение права на профессию, увольнение с работы, ограничение возможности поступления в вузы и в аспирантуру. Эти процессы не могли не затронуть и ученое сословие. Стали тщательно высчитывать процент евреев среди преподавателей и студентов вузов, явочным порядком вводились процентные нормы, которые так смело когда-то бичевали большевики во главе с Лениным. Партийные организации и ректораты делали все возможное, чтобы снизить удельный вес евреев в профессорско-преподавательском составе. Это заметно даже по динамике ОГУ, где обстановка, с точки зрения партийных антисемитов, была приемлемой: в 1952-1953 учебном году национальный состав был таков: русских – 71, украинцев – 86, евреев – 31 [22, 7]. На следующий год евреев стало на два человека меньше [23, 6]. Напротив, в ОМИ, с точки зрения тех же фальшивых интернационалистов, положение было угрожающим – евреев среди преподавателей было слишком много. Поэтому их стали планомерно, из года в год, сокращать. Вначале об этом говорили намеками, иносказательно; так, в отчете за 1948-1949 учебный год отмечалась «недостаточная обеспеченность института национальными кадрами». Приводились такие показатели национального состава по доцентуре – русских 17%, украинцев 6%, а по ассистентам – русских 25%, украинцев 12% [28, 18-19]. О том, какая

национальная принадлежность остальных, отчеты стыдливо умалчивали. Потом стали говорить и писать открытым текстом, что евреев надо увольнять под любыми предлогами. За три года (1949-1951) их в составе преподавателей медицинского института стало ровно в два раза меньше: в 1949 г. – 191 чел., 1950 г. – 159 чел., в 1951 г. – 105 чел. [29, 40; 46, 29]. При сокращении штатов первыми увольняли (или насильно отправляли на пенсию, понижали в должностях) лиц еврейской национальности. Вот далеко не полный список уволенных только за год: доценты Вайнер, Кранцфельд, Эпштейн; другие понижены в должности до ассистента: Штивель, Шпилер, Гук. Такая же картина в университете (по итогам 1952-1953 учебного года) уволены: Беленькая, Бейкина, Гурович, Зак, Ласкер, Литвак, Нильве, Нудель, Огеляйдт, Павлович, Розенталь, Сикорская, Френкель, Финн, Шерешевский [22, 143-146].

Идет быстрое сокращение евреев, как среди студентов, так и среди преподавателей Одесской консерватории. Еще в 1946-1947 учебном году в составе студентов было 106 евреев, или 45% от общего числа [59, 5]. Спустя два года русских и украинцев среди студентов стало больше на 30 человек, а число евреев уменьшилось на 10 человек [60, 3 об.]. Евреев среди профессорско-преподавательского состава в 1947-1948 учебном году было 48% (среди доцентов 58%) [61, 31]. В следующем году число русских и украинцев увеличилось, а евреев – сократилось. Правда, только на одну единицу, но важна общая тенденция, а она вполне четко прослеживается – на вытеснение евреев из консерватории. Сокращали понемногу – то на одного, то на два человека. Массовое увольнение евреев из стен Одесской консерватории имело место в августе 1952 года: из 11 уволенных преподавателей, десять носили еврейские имена [41, 230-235].

Из кредитно-экономического института был уволен профессор С.Я. Боровой, оставшийся, после кончины профессора К.П. Добролюбского и вынужденного отъезда профессора Н.Н. Розенталя, единственным в Одессе доктором исторических наук. В своих мемуарах он вспоминает, как в конце 1952 – начале 1953 гг. в местной печати развернулась антисемитская истерия и приводит красноречивые заголовки газетных статей: «Космополит-двурушник», «Профессор-самозванец», «Буржуазный националист под маской ученого». Увольнение Борового было оформлено под видом «ухода по собственному желанию» после крутого разговора в кабинете ректора [7, 317-326].

Документы горкома партии позволяют конкретизировать замечания, сделанные профессору Боровому, и расширить список уволенных из кредитно-экономического института. Эти претензии начальства, в сущности, были вздорными, их можно при желании предъявить любому преподавателю: «не интересовался ходом самостоятельной работы студентов», «мало давал им консультаций», «много пропускал учебных занятий» и т.п. Тоже все было плохо у преподавателей М.О. Рабиновича, В.С. Рыклина, В.И. Охлопковского, им грозили увольнением, а М.А. Ройтман уже уволен [75, 72-74].

Антисемитская истерия в Одессе, как и по всей стране, достигла наивысшей точки после публикации 13 января 1953 года в республиканской прессе (в областных газетах – на следующий день) сообщения ТАСС с жутким заголовком «Подлые шпионы и убийцы под маской профессор-врачей». Сообщение, как теперь известно, было подготовлено при участии Сталина,

который оставил свою правку на обширной статье в «Правде», комментировавшей краткий тассовский материал. Главные тезисы этих публикаций просты: в СССР раскрыта законспирированная группа шпионов и убийц, состоявшая почти полностью из врачей еврейской национальности, причем преобладающее число из них имела профессорские звания. Среди названных в сообщении ТАСС только двое носили русские фамилии (Виноградов, Егоров), остальные – евреи. Цель этой «шайки убийц» не только умертвить высшее руководство страны, но и ослабить здоровье всего советского народа [3, 392-394]. Такими словами создавалось мнение, что всякий врач-еврей – потенциальный преступник, он способен «залечить до смерти» любого и каждого. Этим разжигался гнев народа и слепая ярость толпы, как против евреев, так и против всех, имевших звание профессора. Добавим, что по радио Левитан непрерывно зачитывал как сообщение ТАСС, так и статью из «Правды» как важнейшие известия.

«У репродукторов собирались сотни людей, тут же высказывали жгучую ненависть к участникам террористической банды, – говорится в докладной, направленной первому секретарю ЦК КПУ. – В своих высказываниях трудящиеся требуют беспощадного истребления подлых выродков, шпионов и убийц, прикрывавшихся маской профессоров-врачей» [4, 173].

На следующий день в Одессе партийные органы устроили шумные митинги и собрания, на которых специально подобранные ораторы «с чувством глубокого негодования» осуждали арестованных до суда над ними и высказывались в поддержку партии и правительства.

В цитированном выше документе приведены отрывки из выступлений ораторов в различных городах Украины. Вот что сообщалось из Одессы: «В беседе с врачами Института им. Филатова, академик Филатов сказал: «Поведение врачей-террористов – это тягчайшее преступление против советского народа. Мы клеймим позором профессоров-врачей, которые направили свои знания <...> на убийство. Считаю, что они должны понести самую суровую кару, как тяжкие преступники против нашего народа и всего человечества» [4, 175].

Невозможно себе представить, что чувствовал старый ученый (ему исполнилось 78 лет), какие душевные муки испытывал, когда произносил эти позорные слова. До сих пор во время всех гонений на генетиков, психологов-орбелианцев и космополитов, он вел себя достойно. Но теперь академик Филатов не удержался на нравственной высоте. Для него, верующего христианина и порядочного человека, пришло время платить по счетам Антихристу за многие годы беззаботной жизни, награды, почести (совсем недавно он стал героем соцтруда) и привилегии. Заплатить самым дорогим – честью. Об этом эпизоде нет ни слова в его, стерильно чистых от всего идеологически лишнего, мемуарах [9], как нет вообще упоминаний о гонениях на ученых в 1946-1953 годах. Ничего об этом нет и в посмертно опубликованных дополнительных воспоминаниях, напечатанных недавно под названием «Последняя речь» [63]. Не эта ли последняя речь академика, сказанная в институте его имени по поводу «врачей-убийц»?

Менее чем через три месяца академик Филатов испытал еще одно моральное потрясение, не менее тяжкое, чем предыдущее. И он, и все советские люди с величайшим удивлением – и возмущением – читали опровержение той лжи о «профессорах-убийцах», которой поверили совсем недавно. Оказалось, что

дело о «врачах-вредителях» и «агентах мирового сионизма» «<...> от начала и до конца является провокационным вымыслом ныне уже распущенного министерства госбезопасности». Так говорилось в официальном сообщении, которое прошло уже без митингов и собраний [5, 21-25]. И в институте им. Филатова больше никто не собирал врачей и ничего им не объяснял – всем было стыдно.

Рассмотрение деятельности городского научного сообщества на микроуровне позволило сделать несколько важных выводов. Главным из них является понимание того, что все погромные кампании послевоенных лет начинались высшими органами большевистской партии – ее ЦК, политбюро и лично Сталиным. Они использовали государственный аппарат для подчинения науки не только институционально, но и интеллектуально. Высшим научным авторитетом в стране вместо Академии наук стал узкий круг партийной номенклатуры. Все инициативы шли сверху вниз по иерархической лестнице. Нижестоящие партийные организации – ЦК союзных республик, обкомы, горкомы, райкомы и первичные ячейки лишь повторяли, часто слово в слово, решения верховного научного арбитра. Например, постановление ЦК КП (б) У от 18 августа 1948 г. с длинным названием «О мерах по перестройке работы научных учреждений, кафедр, издательств, журналов и газет Украины в области биологии и укреплении этих учреждений квалифицированными кадрами мичуринцами» было повторением и конкретизацией в условиях республики решения оргбюро ЦК ВКП (б) от 9 числа того же месяца. Затем Одесский обком 11 сентября еще раз продублировал этот документ, приняв постановление «О мерах по реализации постановления ЦК КП (б) У от 18 августа 1948 г.» [72, 95-96] с учетом конкретных реалий Одессы.

Обком партии по собственной инициативе рассматривал лишь вопросы типа «идейно-воспитательная работа» или «партийно-политическая работа» в том или ином учебном заведении, например, ОСХИ, ОМИ, институт иностранных языков или консерватория. Привычными стали вопросы в повестке дня бюро «О недостатках и ошибках в работе» ОГУ или Одесского кредитно-экономического института [73, 41-47]. Никакие другие местные инициативы наверху не приветствовались.

Доминантой научной деятельности стало строгое выполнение большевистских принципов идейности, верности марксистским догмам и неуклонное следование партийной линии. Из двух формул «Хороший ученый, плохой большевик» и «Плохой ученый, хороший большевик» партбюрократия как в центре, так и на местах предпочитала вторую. Не научные споры, дискуссии, открытая полемика вырабатывали общепризнанные подходы и научные истины, а узкие кланы малообразованных партийных функционеров. Наука превратилась в служанку идеологии и средство решения сиюминутных задач, диктуемых как острыми внутренними потребностями (например, решение зерновой проблемы), так и логикой «холодной войны». Отсюда происходит антиинтеллектуализм сталинской науки, девальвация теоретического знания, крайний практицизм и ползучий эмпиризм как естественных, так и гуманитарных наук. Бывший ректор ОГУ и бывший министр просвещения Украинской ССР Савчук имел все основания заявить: «Научные работники боятся теоретической работы» [65, 179]. Невежды и бездари, управлявшие развитием советской науки,

боялись инноваций и креативности, были склонны поддерживать примитивность и архаику, прадедовские способы решения сложных научных задач. И это неслучайно, ибо таковой была вся сложившаяся в предвоенные годы партийно-советская система сталинского деспотизма. Деградация науки стала лишь конкретным проявлением общей закономерности, которую известный российский историк акад. А.Н. Сахаров сформулировал следующим образом: «Сталинизм – это коллективизм «низов», вознесенных на вершину общества..., он утверждал торжество примитивного мира над миром сложным, олицетворял ненависть к интеллекту и высокой морали» [74, 199].

Изучение истории науки на региональном уровне в аспекте «центр – периферия» с охватом всего спектра дисциплин, включая гуманитарные, дало возможность уточнить и дополнить некоторые выводы ставшей ныне классической работы Н. Кременцова «Сталинская наука» [70]. Анализ имеющейся по Одессе документации лишь частично подтверждает его мнение о том, что на местах научные учреждения лишь формально одобрили или тихо саботировали решения сессии ВАСХНИЛ 1948 года [70, 239-241]. В Одессе, наоборот, уничтожение классической генетики произошло еще в довоенное время (в селекционно-генетическом институте) или за год до сессии (как в сельскохозяйственном институте); в других научных учреждениях генетиков вообще не было (университет). После августовской сессии произошла быстрая «мичуринизация» ученых-биологов, а вскоре – и «павловизация» медико-биологических наук. В этом отношении Одесса, по-видимому, представляет собой уникальный случай на советском пространстве.

В книге Кременцова, по нашему мнению, преувеличена роль «холодной войны» и фактор «Бомбы» (атомной) [70, 158-163, 282-289]. Этими двумя явлениями он объясняет вступление Сталина в дискуссию по вопросам биологической науки и поражение генетиков в противоборстве с «мичуринцами» типа Лысенко и Ольшанского. Одесские документальные источники дают основание представить иную точку зрения, а именно выделить внутренний фактор как доминанту в этих событиях. Речь идет о сильнейшей засухе 1946 года и сокращении урожая зерновых по стране вдвое против уровня 1940 года. Голод 1946-1947 гг. в юго-западных регионах поставил перед высшим руководством страны вновь со всей остротой вопрос о продовольственной безопасности СССР. Одесситы на собственном опыте ощутили все тяжкие последствия нехватки продовольствия: еще весной 1948 г. горисполком отмечал перебои с обеспечением хлебом населения города и просил помощи вышестоящих организаций [71, 65]. В этой ситуации многие ученые-биологи и агрономы-практики склонялись к мнению, что классическая генетика является чисто теоретической наукой, оторванной от практики. Именно в этом смысле ее заклеямили в Таировском институте: «Отдел селекции и генетики был создан в институте в 1927 году, но до сих пор отдел этот ничего не дал. Ориентация на случайность и заимствование методов зарубежной формальной генетики в селекционной работе по виноградарству себя не оправдали» [67, 115]. Аналогичным образом обстояли дела и в Лысенковском ВСГИ: его отдел генетики, где 20 лет подвизался Воробьев, тоже практике ничего не дал.

Вполне понятно, поэтому, что генетики с их мушками-дрозофилами и перспективой выведения новых урожайных сортов через десятки лет не могли

соперничать с Лысенко и его командой, обещавшего увеличить урожайность зерновых в 4-5 раз всего за несколько лет. Кроме быстроты, Лысенко собирался достичь этого без особых финансовых затрат, что делало его проекты еще более заманчивыми. Следует учесть, что гонка вооружений и, главное, работа над «Бомбой» требовали максимальной концентрации материальных, денежных и людских ресурсов разоренной войной страны. Именно в этом состоит секрет того фантастического влияния «народного академика» сначала на Сталина, потом на Хрущева. Руководители партии и государства были чрезвычайно озабочены слабой продуктивностью советского сельского хозяйства и необходимостью обеспечить продовольствием населения, особенно в случае перерастания «холодной войны» в «горячую». Кроме того, низкая грамотность, интеллектуальная узость и ограниченный кругозор Сталина и Хрущева толкали на путь простых и очевидных решений. Можно сказать, что они стали пленниками распространяемого Лысенко «мичуринского мифа». Как прагматики, они рассуждали следующим образом: раз самоучка-садовод смог вывести 300 сортов плодовых деревьев и кустарников без всяких дорогостоящих лабораторий и хитроумных экспериментов, то почему Лысенко, Ольшанский, Воробьев и прочие новоявленные «мичуринцы» не выведут высокоурожайные сорта ветвистой пшеницы, засухоустойчивого хлопчатника, чудо-помидоры, отечественные каучуконосы, кукурузу, произрастающую за Полярным кругом, коров, дающих не молоко, а сливки? Все эти соображения обеспечивали Лысенко и его сторонникам как в центре, так и на местах, безграничный кредит доверия партийного руководства. Работа же над атомной бомбой никак не перекрещивалась с учеными спорами о законах наследственности, генах и хромосомах. Приоритетной оставалась зерновая проблема, решение которой мыслилось на путях традиционного крестьянского сортовыведения приемами Мичурина. Последствия такого порочного, недальновидного выбора скажутся спустя десятилетия, когда СССР останется на обочинах «зеленой революции», изменившей аграрный сектор мировой экономики.

Изучение «охоты на ведьм» в научном сообществе Одессы дает основание поставить еще одну проблему, которая не затрагивается в исторической литературе. Поведение ученых в условиях погромных кампаний рубежа 1940-1950-х годов в литературе изображается преимущественно как «молчание ягнят»: будто бы царствовал всеобщий конформизм, трусость, в лучшем случае – шли поиски способов выживания через сохранение некоторой автономии своего учреждения за завесой партийной риторики [70, 27-29, 49, 318].

В опубликованных трудах даже не ставится вопрос о «тихом», пассивном интеллектуальном сопротивлении передовых ученых сталинскому деспотизму. Нам представляется, что изображать всех ученых, подвергавшихся преследованиям, лишь невинными жертвами, людьми, которые не сознавали, что говорят и что делают, неверно. Конечно, были среди них и случайные люди, но большинство вполне сознательно защищали свои научные убеждения, выступали против монополизма в науке, против диктата партийных невежд. Доцент ОСХИ Ю. Мирюта, делая на партбюро доклад о теоретических основах генетики вполне осознавал, какие тяжкие последствия для него будет иметь открытая защита вейсманизма-морганизма. Оценивая его героический поступок, следует иметь в виду следующее обстоятельство: Мирюте было много труднее, чем генетикам в

центре страны, так как И. Шмальгаузена, Р. Жебрака, Н. Дубинина защищали международная известность, высокие академические титулы и звания, а также определенные круги в высоких эшелонах власти. В Одессе же, напротив, несогласный с линией партии шел на костер. То же самое можно сказать и о доценте ОГУ А. Москаленко, публично заявившего, что и Сталин может ошибиться; и о профессоре ОГУ П. Павлове, отказавшегося чернить имя великого ученого В. Оствальда. Большинство преследуемых ученых усвоили общепринятую ритуальную форму самозащиты – показное признание своих ошибок, самокритика и покаяние. Трудно сегодня их осуждать за такие поступки.

В заключение можно сказать, что как бы мы ни оценивали этичность поведения одесских ученых в тяжелых испытаниях 1946-1953 годов, память о жертвах послевоенных идеологических кампаний не должна стереться. Имена академика Г. Маркелова, профессоров П. Павлова, И. Пузанова, Н. Розенталя, Б. Авербурга, С. Борового, Л. Пападато, доцентов Ю. Мирюты, А. Москаленко, А. Недзведского, М. Дашенко, В. Дябло, Б. Шайкевича, Б. Галащука и других навсегда войдут в историю одесской науки. Достойны нашей памяти также одесские писатели, журналисты, искусствоведы, педагоги школ и техникумов, студенты, все те, кто безвинно пострадал в те трудные времена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки развития науки в Одессе / В.М. Адамян, Л.А. Алексеева, Ю.А. Амброз и др. – Одесса, 1995; Юридический институт Одесского государственного университета: Исторический очерк / Составитель, гл. редактор А.С. Васильев. – Одесса, 1996; Золотарев А.Е., Ильин И.И., Луки Л.Г. Биографический словарь профессоров Одесского медицинского института (1900-1990). – Одесса, 1992; Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біографічний словник. У 4-х т. Видання друге, доповнене. – Одеса, 2005.
2. Развитие биологии на Украине. В 3-х т. / Ред. колегія: К.М. Сытник (гл. ред.) и др. – К., 1985.
3. Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР 1945-1953: Документы. – М., 2002.
4. Политическое руководство Украины 1938-1989: Документы. – М., 2006.
5. Лаврентий Берия 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. – М., 1999.
6. О положении в биологической науке: Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ. – М., 1948.
7. Боровой С.Я. Воспоминания. – Москва-Иерусалим, 1993.
8. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: Воспоминания очевидца. – Ростов, 2004.
9. Филатов В.П. Мои пути в науке. – Одесса, 1955.
10. Большевицкое знамя. – 1946-1953.
11. Чорноморська комуна. – 1946-1953.
12. За більшовицькі кадри. – 1946-1953.
13. Государственный архив Одесской области (ГАОО). – Ф.П – 11. – Оп. 12. – Д. 129.
14. ГАОО. – Ф.П – 90. – Оп. 1. – Д. 28.

15. ГАОО. – Ф.Р – 4755. – Оп. 1. – Д. 10.
16. ГАОО. – Ф.Р – 2147. – Оп. 4. – Д. 44. Споры об эффективности круцина продолжаются до наших дней. См.: ВИЕТ. – 2000. - № 1. – С. 3-33; № 3. – С. 164-166.
17. ГАОО. – Ф.Р – 1438. – Оп. 12. – Д. 9.
18. **Оствальд Вильгельм (1883-1932)** – немецкий химик, натурфилософ, историк науки. Родился в Риге, закончил Дерптский университет (ныне Тартуский). Работал там же, затем профессор Рижского политехникума. В 1887-1906 профессор Лейпцигского университета, член.-корр. Петербургской АН. Один из основоположников физической химии. Труды по теории растворов электролитов, химической кинетике и катализу. Положил начало науковедению. Издавал книжную серию «Классики точных наук», сам написал книгу «Великие люди», содержащую биографии выдающихся физиков и химиков XIX в. (русс. перевод 1910). На русский язык переведены и другие книги Оствальда: «Несостоятельность научного материализма», 1896; «Философия природы», 1906; «Энергетический императив», 1913. Нобелевская премия (1909). (См.: Исторический архив. – 2006. - № 6. – С. 102).
19. ГАОО. – Ф.Р – 1438. – Оп. 12. – Д. 48.
20. **Льюис Гилберт (1875-1946)** – американский физикохимик, основатель научной школы химической термодинамики. Совершенствовал свое образование в Лейпцигском университете у Оствальда. С 1912 профессор Калифорнийского университета в Беркли. Ввел понятие термодинамической активности и на его основе уточнил формулировку закона действующих масс. Впервые применил термин «фотон» (1929). Первым в 1933 получил тяжелую воду.
- Кто такой Гипс, установить не удалось.
21. ГАОО. – Ф.П – 1438. – Оп. 12. – Д. 65.
22. Там же. – Д. 59.
23. Там же. – Д. 76.
24. ГАОО. – Ф.П – 20. – Оп. 4. – Д. 44.
25. ГАОО. – Ф.П – 90. – Оп. 1. – Д. 14 а.
26. ГАОО. – Ф.Р – 1438. – Оп. 12. – Д. 19.
27. ГАОО. – Ф.Р – 2147. – Оп. 4. – Д. 38.
28. Там же. – Д. 49.
29. Там же. – Д. 91.
30. Даниленко В. Холодна війна і поширення антисемітизму в СРСР // Пам'ять століть. – 2006. - № 6.
31. Государственный архив АРК. – Ф.Р – 21. – Оп. 6. – Д. 7.
32. **Мендель Грегор (1822-1884)** – австрийский биолог, монах, основоположник учения о наследственности. Сформулировал закономерности передачи наследственных признаков. В августе 1948 на сессии ВАСХНИЛ акад. П.М. Жуковский говорил, что перед могилой Менделя следует преклоняться, и добавил, что акад. И.П. Павлов перед зданием своего института поставил Менделю памятник как величайшему ученому. (См.: О положении в биолог. науке: Стенограф. отчет... М., 1948. – С. 386).

Вейсман Август (1834-1914) – немецкий зоолог. Предвосхитил современные представления о дискретности генов, их локализации в хромосомах и роли в онтогенезе. Основатель неodarвинизма. У Вейсмана в Лейпцигском университете проходил стажировку Д.К. Третьяков, будущий профессор Одесского университета и декан биологического факультета, академик АН УССР, в 1944-1948 директор Института зоологии АН УССР. (См.: Голда Д.М. Вайсманнізм // ЕСУ. – Т. 4. – К., 2005. – С. 29-30).

Морган Томас (1866-1945) – американский биолог, основоположник генетики. Профессор Калифорнийского технологического института, президент Национальной АН США (1927-1931), иностранный почетный член АН СССР (1932). Сформулировал и экспериментально подтвердил основные положения хромосомной теории наследственности, установил закономерности расположения и сцепления генов в хромосомах. Нобелевская премия (1933).

33. ГАОО. – Ф.Р – 7881. – Оп. 1. – Д. 41.

34. Там же. – Д. 45.

35. Там же. – Д. 54.

36. ГАОО. – Ф.П – 11. – Оп. 1. – Д. 1564.

37. ГАОО. – Ф.П – 90. – Оп. 1. – Д. 34.

38. ГАОО. – Ф.Р – 1438. – Оп. 12. – Д. 18.

39. **Френкель Я.И. (1894-1952)** – физик-теоретик, создатель квантовой теории контактных явлений в металлах и электропроводности металлов. Член-корр. АН СССР (1929). В 1947-1950 профессор Ленинград. ИТМО. Автор первых отечественных курсов теоретической физики. Сталинская премия (1947).

В своих угрозах Савчук имел в виду один из общих курсов теоретической физики, написанных Френкелем.

40. ГАОО. – Ф.Р – 1438. – Оп. 12. – Д. 26.

41. ГАОО. – Ф.Р – 899. – Оп. 2. – Д. 3.

42. Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биолог. – 1956. – Т. 61, вып. 2.

43. Урсу Д.П. Иван Иванович Пузанов – видатний зоолог і мандрівник // Професори Таврійського університету 1918-1941: Біографічні нариси. – Сімферополь, 2005.

44. ГАОО. – Ф.Р – 7779. – Оп. 1. – Д. 31.

45. ГАОО. – Ф.Р – 3296. – Оп. 1. – Д. 17.

46. ГАОО. – Ф.Р – 2147. – Оп. 4. – Д. 128 а.

47. ГАОО. – Ф.Р – 6763. – Оп. 3. – Д. 5.

48. ГАОО. – Ф.Р – 3296. – Оп. 1. – Д. 28.

49. ГАОО. – Ф.Р – 6763. – Оп. 1. – Д. 16.

50. **Лоренц Конрад (1903-1989)** – австрийский зоолог, основоположник этологии (зоопсихологии). Разработал учение об инстинктивном поведении животных и его развитии в онто- и филогенезе. В некоторых трудах распространял биологические закономерности поведения животных на человека и человеческое общество. Нобелевская премия (1973). (См. также: К. Лоренц в советском плену // ВИЕТ. – 2002. - № 3. – С. 529-559).

51. ГАОО. – Ф.Р – 2147. – Оп. 4. – Д. 126.

52. Там же. – Д. 194.
53. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии: В 2-х т. – Ростов, 1996.
54. ГАОО. – Ф.Р – 1438. – Оп. 12. – Д. 14.
55. Там же. – Д. 50.
56. ГАОО. – Ф.П – 11. – Оп. 12. – Д. 755.
57. ГАОО. – Ф.Р – 6274. – Оп. 1. – Д. 14.
58. Там же. – Д. 15.
59. Мельниченко Л. «В дальнейшем я уже молчал...» // Морія. – 2006. - № 6; ее же. Натан Лурье: «Так как суда не было...» // Морія. – 2007. - № 8.
60. ГАОО. – Ф.Р – 899. – Оп. 2. – Д. 4.
61. Там же. – Д. 8.
62. Там же. – Д. 5.
63. Филатов В.П. Последняя речь: Литературное наследие/Сост. И.Я. Силаков. – Донецк, 2008.
64. ГАОО. – Ф.П – 90. – Оп. 1. – Д. 135.
65. Там же. – Д. 151.
66. ГАОО. – Ф.Р – 4727. – Оп. 3. – Д. 52.
67. ГАОО. – Ф.П – 8491. – Оп. 1. – Д. 13.
68. Там же. – Д. 20.
69. ГАОО. – Ф.Р – 6752. – Оп. 2. – Д. 61.
70. Krementsov N. Stalinist Science. – Princeton, 1997.
71. ГАОО. – Ф.Р – 1234. – Оп. 10. – Д. 17.
72. ГАОО. – Ф.П – 11. – Оп. 12. – Д. 784.
73. Там же. – Оп. 14. – Д. 488.
74. Отечественная история. – 2004. - № 1.
75. ГАОО. – Ф.П – 9. – Оп. 9. – Д. 328.
76. ГАОО. – Ф.П – 8491. – Оп. 1. – Д. 21.